

Владимир Андерсон

НОМО ЛУДУС

Остросюжетный философский роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Андерсон

Homo Ludus

«Автор»

2023

Андерсон В.

Номо Ludus / В. Андерсон — «Автор», 2023

Безликий бог Памяти настолько скромный, что никто не знает его имени. Бог войны Уицилопочтли, настолько уставший от войны, что только и делает, что ищет мира. Богиня Кицунэ, получившая столько масок других людей, что забыла своё собственное лицо. Боги не идеальны, но они всё равно боги, и они правят людьми. И, разумеется, делят этот мир между собой.***В остросюжетном философском романе "Номо ludus" раскрыты сложные вопросы осознания человека в современном мире и отношения человека к себе самому как самостоятельной личности.***"Номо ludus" В.Андерсона - это наш ответ "Песни льда и пламени" Дж.Мартина и "Американским богам" Н.Геймана

© Андерсон В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Густав	8
Винсент	33
Кэтрин	36
Густав	39
Мари	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Андерсон

Homo Ludus

Homo Ludus

Пролог

Бог счастья Дайкоку первый раз за всю свою жизнь попал в страну, где люди были несчастны и рады были страдать при жизни, надеясь обрести желаемое после смерти. Это было очень странно для Дайкоку. В его родной Японии люди знали, что счастье им не положено, но знали также при этом, что некоторым оно всё же достаётся. При этом сам Дайкоку всегда ходил хмурым недовольным и скверным. Лишь бы никто не знал, сколько сейчас счастья у всех людей. Ведь дороже товара нет, и все захотят его забрать. И все захотят получить больше. И тогда ему понадобится столько ресурсов, которыми он никогда не обладал... Потому бог счастья слыл самым жадным среди всех богов.

Но в том мешке с волшебным рисом, что носил с собой он за плечами, водилась старая и мудрая крыса, главный символ богатства. И именно эта крыса прогрызала дырочки в мешке с рисом. И сыпался рис на землю, одаривая людей счастьем, которое, как они думали им вовсе не полагалось. И никто кроме крысы и самого Дайкоку не знали, что ни одна дырочка случайно не прогрызлась, и ни одна рисинка случайно не падала – все люди, получившие волшебный рис, выбирались заранее и очень тщательно. И не потому, насколько заслуживали они счастья, а потому насколько они готовы были это счастье сберечь.

И среди людей Кракожии Дайкоку видел очень мало людей, желающих быть счастливыми, и ещё меньше тех, кто был готов беречь своё счастье. Но больше всего его удивило, что в скором времени и та крохотная часть, что счастье имела, должна была его потерять. Такие вещи Дайкоку знал заранее всех богов. Потому что видел, сколько счастья потеряют люди. Потому что счастье потерять легче, чем что бы то ни было.

Густав

Густаву было почти полторы тысячи лет, и за всю свою жизнь он не видел подобных ему, живущих так долго, и живущих за счёт чужих страданий.

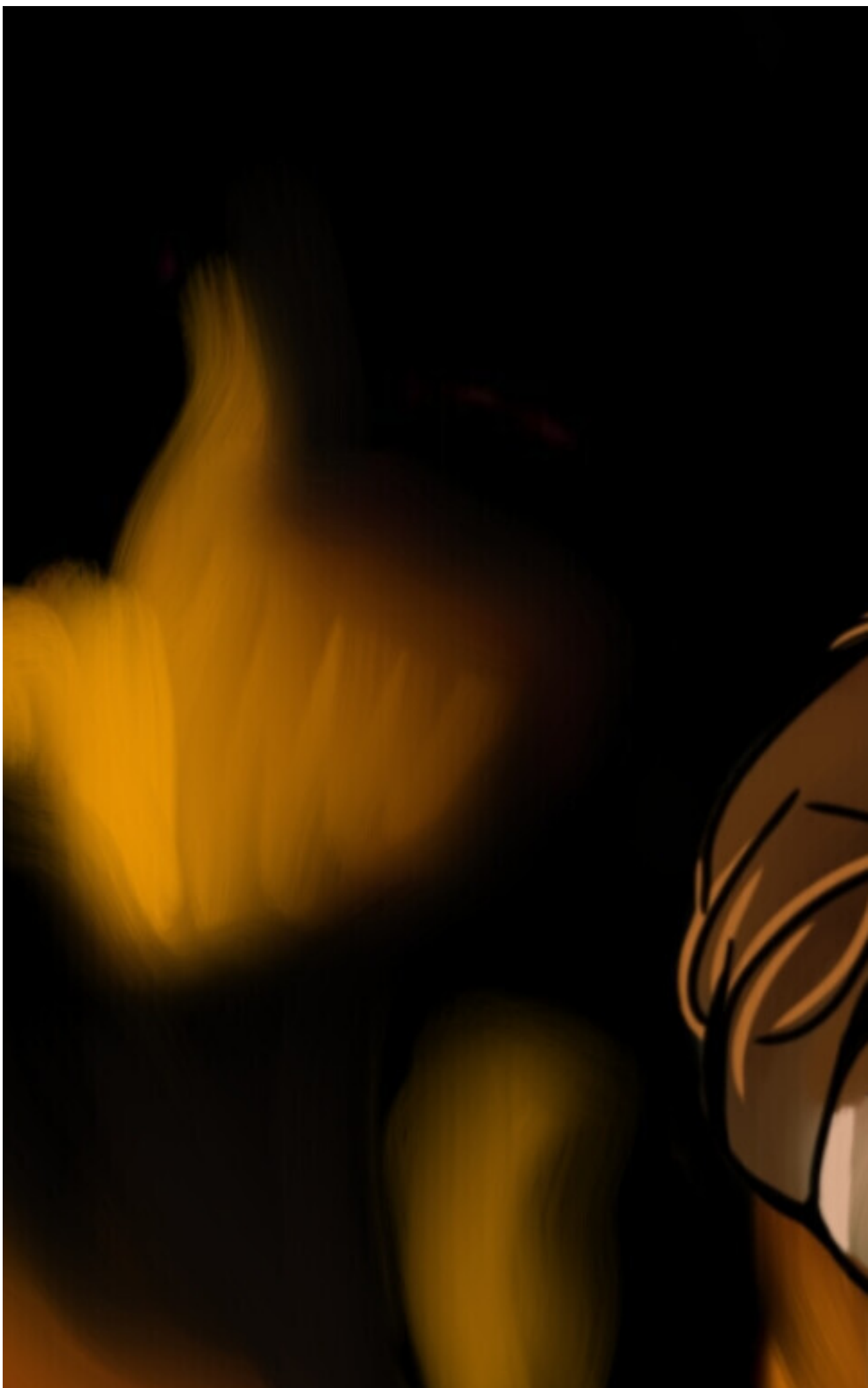
Родился он в Ирландии, где местный народ когда-то назывался кельтами и поклонялся богине Дану, прародительнице богов, правивших островом. Ему тогда не очень нравилась религия, где верующие в неё люди не верили в любовь как во что-то всесильное, а скорей, просто считали это одним из проявлений человеческих чувств.

Сначала Густав убивал больше из необходимости, чем из удовольствия, и даже не ощущал в этом чего-то особенного. Но прошли века, и появилось христианство, а затем и его ответвления, в виде лютеранства, и, главное, кальвинизма – ответвления протестантства, в котором основным Божьим замыслом было его же, Бога, прославление. В кальвинизме Бог не было добрым и не собирался всех спасать от гиены огненной, Он изначально определил, кто избранный и заслуживает права управлять, а кто ничтожный и должен терпеть несчастья и унижения, а всё, что происходит, оно лишь затем, чтобы прославлять Его великую Волю и Могущество. Избранные же при этом эту Волю исполняют.

Таким избранным себя считал Густав, следуя постулатам Кальвина и изничтожая при этом всех, кого только мог посчитать ничтожным.

Ещё когда это движение только зарождалось, Густав ездил в Швейцарию, принимал там участие в процессах над «еретиками» (а кто еретик, определяла теперь уже не католическая церковь, а именно Жан Кальвин), которых всё также сжигали на кострах, но уже за прямо противоположные мысли.

Сжигать Густаву не очень нравилось, но вот беседовать с осужденными, давать им надежду, даже не важно на что именно – может, на понимание или сочувствие, на то, что жизнь была не напрасна – а потом отбирать эту надежду, скрытно упрекая их и заставляя чувствовать свою вину, тем самым истощая в них жизнь ещё до предсмертной агонии в дыме от костра. Эта игра в доброго и правдивого тогда нравилась ему куда больше, чем простые обвинения в инакомыслии и духовных заблуждениях, целью которых были простое упрочнение новой антипапской власти и самосознание этой новой власти своего состоявшегося успеха в отдельно взятой стране.

Густав считал, что даже эти новоявленные инквизиторы не совсем понимали многозначительности своего положения. Они хотели лишь обвинить кого-то и осудить его, тем самым показав свою силу, не понимая, что человек при этом, умирая, осознавал, что прав и чист перед всеми и, прежде всего, перед самим собой. А вот выжать из него все соки, сбить с толку и вынудить умереть в отчаянии от безысходности и пустоты своей жизни – этого хотел Густав, и этого он добивался.

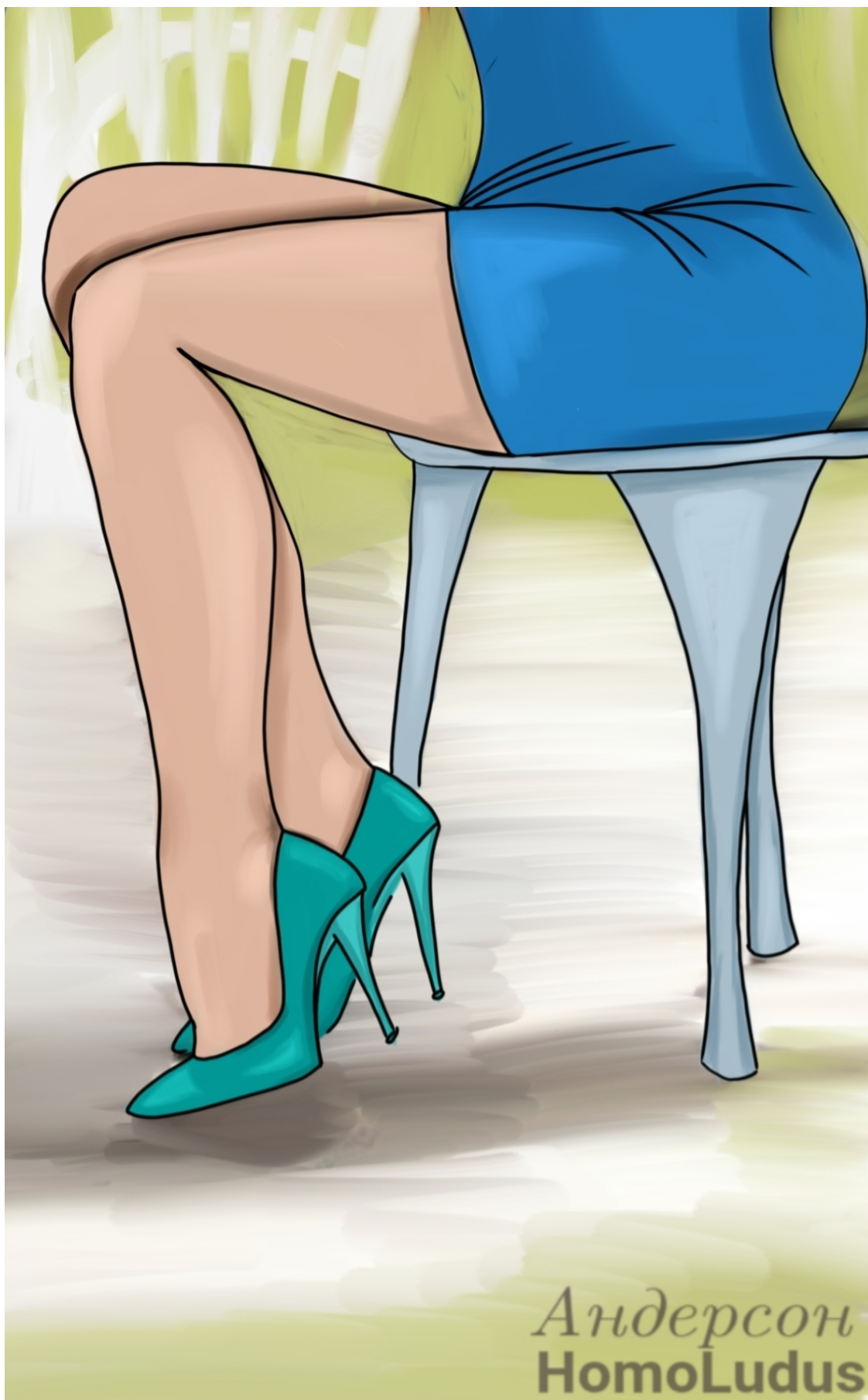
Вскоре, разочаровавшись в самом Кальвине, он лишь больше утвердился в его идеях, дополняя и укрепляя их. «Дети – это грязь» – говорил Кальвин; вампир был с ним в корне не согласен: «Дети – не грязь, они – подарок. Одни из самых сладких подарков, который только можно дать человеку вместе с неопишуемой радостью, чтобы потом отобрать его и доставить тому же человеку ещё более неопишуемое и невозможное страдание и свести его с ума собственной же обретенной пустотой».

Сегодня у Густава была назначена встреча с новой знакомой. Её звали Кэтрин. Отец её был французским дипломатом, так что всё детство девушки прошло в полузакрытом пансионе, где половина детей не говорила по-русски.

Став взрослой Кэтрин занялась публицистикой, и теперь уже в нескольких столичных журналах выходили её статьи о семье, детях и собаках. Последнее было ей больше всего любимо, причём собак она любила самых разных, и, прежде всего, за их настоящую самую искреннюю любовь к своему хозяину. Сама она пока воспитывала только одну короткошёрстную таксу, но в перспективе хотела ещё нескольких. Что ей мешало, она не знала сама: то ли боязнь ответственности за ещё одно живое существо, то ли нерешительность в выборе второй породы – причин можно было найти много, но на самом деле она просто не решалась это сделать. Эта черта вообще сильно проявлялась в её характере – она всё время боялась ошибиться, и, видимо, потому, что ошибок в её жизни, действительно, было немного; их попусту негде было делать. Всегда был рядом отец, который делал всё, чтобы в её жизни всегда присутствовали только правильные варианты выбора.

В эту субботу её пригласил на обед новый знакомый, на позапрошлой неделе давший ей замечательное интервью на тему воспитания и дрессировки лабрадоров. Густав понравился ей не только своей характерной западно-европейской внешностью и учтивой манерой общения, но и удивительным знанием собак, в целом, и лабрадоров, в частности. Столько нового и интересного за один разговор она ещё не слышала, а статью главный редактор уже решил поместить в центральную колонку следующего выпуска. Вдобавок ко всему Кэтрин очаровало живое и лучезарное отношение Густава к жизни, которым как ей казалось, он начинает пропитывать и её саму.

Первой пришла она. Села за крайний столик и заказала стакан воды. Сейчас она больше всего переживала за свои туфли. Всю неделю она думала, что во что оденется на эту встречу: длинное обтягивающее светло-синее платье с небольшим вырезом и прикрытыми плечами, шёлк которого был настолько тонким и облегающим, что можно было разглядеть узоры на её бюстгальтере, слегка видным из декольте, а прозрачные чулки делали её и вовсе сногшибательной. Причёску она делала с самого утра, чтобы ещё до выхода можно было взглянуть на кудри длинных чёрных волос. Всё было безупречно, но туфли, бирюзовые туфли на высоком каблуке, идеально подходившие в данном случае, слегка нуждались в ремонте. Одевала Кэтрин их редко из-за очень тонких шпилек, а последний раз угодила в трещину на мостовой, отчего

шпилька стала пошатываться, и, когда ей суждено было отвалиться, можно было только догадываться.

Передеваться заново было поздно, поэтому она просто вышла раньше, чтобы спокойно и не торопясь дойти до машины, и уже на ней добраться до кафе.

Сейчас, когда она ждала, вода казалась ей каким-то успокоительным напитком. Вода смачивала горло, немного охлаждала, придавала терпения.

Показался Густав. Высокий, красивый. В костюме и поразительно идущей ему красной шёлковой рубашке с маленькими пуговицами, похожими на волшебные рубины из заморских сказок. Он весь сиял.

«Привет», – улыбнулась Кэтрин и зачем-то встала. В груди её всё сжималось, а сердце уже колотилось так, что казалось будто его стук будет раздаваться из ушей.

«Здравствуй, Кэтрин», – голос Густава отдавал уверенностью, а его приветливые глаза, видно, могли успокоить даже полу-израненного голодного льва, победившего только что свору гиен. Он поднёс её руку к своим губам и нежно поцеловал, заметив, что девушка при этом онемела.

«Ты присядешь?» – улыбнулся Густав. – Пойми правильно, в ногах, конечно, правды нет, но я просто не могу сесть раньше тебя».

«Ах, да» – Кэтрин легко рассмеялась, тут же присела и положила ладони вместе прямо перед собой, держась большими пальцами за край стола.

«Давно меня ждёшь?»

«Ну, как давно... пару минут.» – её правая рука машинально скинула локон волос с плеча и опустилась на стол. Правая нога, на которой была та самая полу-сломанная шпилька, немного приподнялась в пятке и через сантиметр справа от себя снова встала на пол.

«Знаешь, я всё беспокоился, что опоздаю и заставлю тебя ждать»

«Да нет. Что ты. Я почти только пришла». – ответила девушка и тут же невольно бросила взгляд на стол. На нём стояло три пустых стакана для воды, сто раз и со всех сторон залапанных пальцами и со следами от губной помады на краях. «Вот дура! – подумала она. – Теперь он подумает, что я или вру с лёгкой руки, или лакаю воду литрами как верблюд... А ещё эта шпилька... Полпятки уже отбила, пытаюсь закрепить её покрепче. Как я могла про это забыть... Помада тоже. Половина её осталась на стаканах. Как дешёвка какая. Ещё с губ небось стёрла. Что, при нём теперь прихорашиваться?!»

«Как твоя статья? Всё в порядке?» – спросил Густав. Всем своим видом он показывал, что всё отлично, а каждое его слово было наполнено спокойствием и уверенностью.

Кэтрин улыбнулась: «Да всё в порядке... По правде сказать, редактор просто в восторге. Решили поместить её в основной раздел в следующем выпуске... Ещё, по правде сказать, мне в жизни не попадался человек, способный так интересно рассказать о чём-либо. Откуда только ты так много знаешь о собаках?»

Густав улыбнулся в ответ, слегка прищурился. Это выглядело очень красиво и притягательно. Словно в мрачной ледяной пещере он делился солнечным светом и теплом с людьми, забывшими, что такое радость.

«Кэтрин, это долгая история... Но, знаешь, вкратце... Несколько лет назад я жил в Канаде, недалеко от Монреаля. У меня был небольшой дом прямо рядом с лесом, а впритык ко мне кинологический центр. Как-то ночью я не мог уснуть. Не знаю, почему. Просто не спалось. Думаю, ну ладно, хоть прогуляюсь что ли. По свежему воздуху. И то лучше, чем просто валяться в кровати... Оделся, вышел. И тут слышу какое-то тьяканье. Смотрю – щенок. Совсем маленький. Валяется у моего забора. Щенок лабрадора. Маленькая девочка палевого цвета. Видимо, сбежал из этого центра... Но отдать я уже его, вернее её, не смог, конечно... Зато к ним за советами пришлось ходить постоянно. И специалисты там оказались, сама понимаешь, какие. С тех пор так и занимаюсь этим».

Девушка слушала его чуть ли ни с раскрытым ртом. Было так приятно понимать, что это случилось по счастливой судьбе. Что человек стал заниматься действительно предназначенным для него делом по воле случая. И что этот случай в итоге познакомил её и его.

«А где сейчас эта собака?»

«Кэтрин. Со мной, конечно, она. Где же ещё... Да и у меня к тебе просьба...»

Зазвонил телефон.

Девушка судорожно потянулась к сумочке. Перерыв половину содержимого, она, наконец, вспомнила, что мобильник в отдельном кармашке. Разговаривать было бы необязательно, но это был её отец.

Говорить они стали, конечно, по-французски. Кэтрин посчитала, что можно сделать это преимуществом, наивно полагая, что Густав этот язык не знает – на самом деле она только помогла раскопать себе могилу.

«Ну сейчас... – подумал Густав. – Договорись со своим папой и получишь маленькую троянскую собачку... Размечталась. Нашла себе любовь всей жизни... Даже и не представляешь, чего ты заслуживаешь на самом деле за то, что ты сделала.. Уж точно не станешь после этого думать о криво державшейся шпильке на правой туфле... Ты такая сладкая с виду, много кого отшила; жаль нельзя их позвать, чтоб посмотрели на твой финал – так было бы гораздо эффективней... Я бы и отца твоего отдельно довёл, да он не стоит моего времени. Такую красоту он, вероятно, считает одним из своих главных достижений в жизни: ни грудь, ни губы, ни ещё что-то не оперировались – они настоящие. Подделку я бы сразу заметил...».

Кэтрин словно почувствовала мысленное требование положить трубку и, сказав отцу, что она в кафе с парнем, который ей безумно нравится, и, в которого она, кажется, уже влюбилась, отключила телефон на совсем.

«Это папа звонил. – извиняющимся тоном проговорила девушка. – Я сказала ему, что с подругами. Чтоб не задавал сейчас лишних вопросов. Он знает моих подруг, они не любят ждать кого-то»

«Какая же женщина любит ждать». – ответил Густав и подумал. – «Что ж ты врешь на пустом месте? Можно ж было просто сказать, что в кафе и занята. Сколько ж людей считает, что при наличии вранья правда станет убедительней... Переспроси только про просьбу, и на сегодня можно с тобой закончить».

«Ну да. Ты прав. Пожалуй, никакая... А что ты говорил про просьбу?»

«Ах да. Спасибо, что напомнила. Эта просьба тоже не любит ждать. Она в машине.» – Густав встал и протянул девушке руку ладонью вверх. Выдержав сценическую паузу, Кэтрин сжала его руку в своей, встала и встретилась с ним глазами совсем близко, уже не улыбаясь. Так спокойно и хорошо она себя ещё в жизни не чувствовала.

«Я заслуживаю этого мужчину. – мысленно решила Кэтрин. – Всю жизнь мне попадались одни тряпки, и ничего не получалось. Всё ради него. Ради того, чтобы в моей жизни появился он. Он будет моим».

Бросив на стол две крупные денежные купюры, Густав, дотронувшись до талии девушки со словами «пойдём», направил её к выходу и сам двинулся следом.

Чуть в стороне от выхода, во дворике, стоял его огромный Кадиллак Эскалейт чёрного цвета. Оказавшись позади машины, он открыл багажник – там в небольшой сумке для животных спал маленький тёмный как ночь лабрадор возрастом меньше месяца.

«Какое чудо! – эмоционально прошептала Кэтрин, прикрыв ладонями рот.

«Да. Ему три недели. Вылез самым последним из пятерых. Можно сказать, мой младший внук. И, по правде, сказать, наверно, самый любимый... Остальных я раздал друзьям, которые давно просили себе щеночка, а любимого решил оставить себе. Но сейчас у меня командировка, и кто-то должен за ним присмотреть. Ты ведь сможешь о нём позаботиться. Всего 7 дней, пока меня не будет».

«Ну у меня нет слов. Он такой очаровательный. Ты не шутишь? Он же сама прелесть».
«Неужели я буду дразнить тебя, Кэтрин. Конечно, я серьёзно. Ты окажешь мне огромную услугу».

«Что ты! Конечно, я согласна! Разве можно от него отказаться!» – ей казалось уже, что этот день счастливейший в её жизни.

«Спасибо, Кэтрин. У меня сейчас совсем бы не было на него времени. Слишком много работы в отъезде».

Густав предложил отвезти её домой, и она согласилась. Даже несмотря на то, что ей придётся отдельно ехать за своей машиной, припаркованной через дорогу от кафе. Ей было важно, чтобы в этот день она вернулась не одна.

За время пока ехали, он успел рассказать ей про то, как был в Африке, на Занзибаре, про местные обычаи, и то, чем сейчас стал этот остров, а также о том, что при удобной возможности, можно было бы туда съездить.

На самом деле Густав был там в 1896 году. Ему удалось тогда уговорить Баргаша, местного правителя, на конфликт с Британской Империей. Тот и сам давно желал чего-то большего, но оставшийся разум сдерживал его от этого, пока не было найдено его слабое место.

«Посмотри на то, что ты оставляешь после себя. – твердил ему Густав. – Тебе нужна власть. Захвати её, потом расширишь, а мы тебе поможем в этом... Ты же знаешь, весь смысл в наследстве. Что ты оставишь своим детям?»

Баргаш был лишь братом султана и не имел прав на престол, и это его устраивало, но у него был любимый сын, которому хоть и было всего два года, но который был достоин много большего, нежели выполнять чьи-то приказания.

Понимая, что Баргаш будет ждать естественной смерти брата, Густав отравил его сам, и в назначенный день произошёл переворот, якобы поддержанный Германской Империей.

Британская эскадра встала на рейде у побережья, прекрасно зная, что делать – Густав сказал им, что если придётся воевать, то пусть стреляют по дворцу с северо-восточной стороны, там будет находиться новый наследник, убив которого, можно будет избежать множества жертв, так как он – единственное, что важно для нового султана.

Уже второй залп похоронил мнимый повод к войне – маленький мальчик был мёртв, а Баргаш, потеряв самое ценное на свете, так и не смог прийти в себя. Всё, о чём он мечтал, исчезло за 387 минут самой короткой войны в истории человечества.

Густав же получил несколько новых поместий в Англии и несоизмеримо большее удовольствие от собственной важности и значимости в жизни. Он бы и не вспоминал сейчас про это и не рассказывал Кэтрин про красоты острова Занзибар и его султанского дворца, но ему хотелось внутренне насладиться снова способностями того яда, каким отравил он настоящего султана – ни цвета, ни запаха, ни симптомов после принятия; человек умирал просто во сне, переставая дышать, а время легко было задать количеством капель в соответствии с весом жертвы. «Дар султану» – такое название дал он этому веществу.

Густав не зря торопился закончить эту встречу. Потом у него была другая.

Полуофициально он консультировал владельца одной из риэлторских компаний «Миэнком», и сегодня ему надо было проконтролировать одно весьма важное изменение политики этой компании.

Дело в том, что данная организация, несмотря на свою популярность в столице, практически не платила налоги – большая часть доходов получалась из скрытой маржи (продавец отдавал свой объект за сумму N, а покупатель брал её за N+Y, будучи абсолютно уверенным, что это есть просто N, а Y просто оставлял себе Миэнком), и большая часть сотрудников даже не была официально устроена в организации.

У Густава, представившегося главным аналитиком американского брокера недвижимости BlackStone, задачей было увеличение доли Миэнком на рынке и заодно решение вопроса с налогами. План уже был готов, оставалось только раздать пару советов.

«Приветствую», – Владимир Аркадьевич, «начальник начальников» Миэнкома, пожал руку недавно взятому на контракт новому консультанту по развитию. Тучный, массивный, с богатым опытом, он был далеко не в восторге от того, что этому красавчику приходилось платить 15 тысяч долларов в неделю за 2-3 появления в офисе, но те немногие рекомендации, которое он успел дать, уже имели эффект, и это с одной стороны, конечно, радовало, но с другой очень настораживало. За свою жизнь он повидал достаточно и не сказал бы, что когда-то было легко: когда-то он заведовал цехом на областном деревообрабатывающем заводе, потом стал замдиректора, потом получил место главы горисполкома одного из городов этой области, а после 1991 года заполучил контрольный пакет акций завода, где раньше был начальником цеха, затем, упорно развиваясь в бизнесе в 90-х вошёл в состав совета директоров Миэнком, и, пройдя такой долгий путь, он увидел в выглядящем моложе его на 30 лет Густаве человека, чья проницательность и дальновидность казались много больше, нежели его собственные. Это было опасно. Он прекрасно помнил, как поступал с теми, кто был менее дальновидным, чем он. Как разрушал судьбы тех людей, подставлял их и отправлял в тюрьму или кормить рыб. Вся его дорога успеха, усеянная трупами и чужим горем, как ни странно не только давала полный покой по ночам, но, что самое главное, держала в тонусе при свете дня. Он хорошо понял, что его можно обмануть на словах, но никогда не получится это сделать в расчётах. Цифры всегда скажут правду, надо только уметь считать правильно. И проверять свои же расчёты. «Раслабишься, и тебя тут же сожрут чужие. Доверишь всё своим – и вообще не заметишь, как тебя сожрали» – так он думал давно, только заняв место владельца. Все эти правила касались таких же как он. Что делать с более сильными и умными, до конца он не знал – пока что он договаривался в таких случаях. Но все эти случаи касались людей, которые уже пожили своё и давно лишились неуёмной жажды наживы. Иметь дела с сильным, умным и при этом молодым, ему ещё не доводилось. Этим и пугал его Густав.

«Есть одна, какая-то одна весомая причина, почему этот человек занимается только консультированием – думал Владимир Аркадьевич. – И это явно не деньги».

Он не чувствовал прямой угрозы с его стороны, но что-то подсказывало, что надо быть предельно осторожным.

«Добрый день, Владимир Аркадьевич», – приветливо сказал Густав. Ему уже давно надоело здесь завоёвывать доверие и набивать себе цену грошёвыми советами. Сначала он хотел просто довести их до тюрьмы, но потом решил, что это будет слишком предсказуемо для такого рода деятельности, а хотелось быть оригинальным.

У Миэнкома было несколько проектов, которыми вся компания очень гордилась: дав элитных коттеджных посёлка в области и один жилой комплекс в районе «золотой мили». Их надо было развивать, раскрутить, поселить там известных людей, а потом всё испортить. Густав уже дал несколько рекомендаций по изменению дизайна и материалов, а также привлёк свои связи к пиару этих объектов среди «звёзд». Осталось дождаться заселения, и можно было начинать.

«У меня есть одно центральное предложение», – Густав знал, что от него до сих пор ждут чего-то нового и неожиданного и, вместе с тем, успешного.

«Да. И что же это?»

«Все 3 главных наших объекта надо заселять на одной неделе».

«Но это...?! Густав, ты сам понимаешь, как это».

«Конечно».

«У них есть сроки. Госкомиссия, сдача, ключи, ремонт. Всё это давно согласовано. Там хорошо бы просто успеть, не то, чтобы что-то двигать...»

«Да. Но я говорю о будущем... Сегодня Миэнком серьёзная крупная компания. Это хорошо. Но не отлично... А может быть так, что отлично... Одна неделя. В понедельник заселяется один объект, в среду второй, в пятницу третий. Все только и будут говорить об этом. Компания поднимется до небес, станет монополистом. Через год уже Миэнком будет определять стоимость недвижимости в столице, а не какой-то там рынок».

В том, что предлагал этот молодой ирландец, был свой смысл, думал Владимир Аркадьевич. Рекламную компанию в таком случае, действительно, можно будет весьма удобно для себя построить: три объекта подобного класса за одну неделю – это что-то, чего раньше не было. И два из них подтянуть под общие сроки было вполне реально, но вот третий, тот что в городе... Там только начиналась госкомиссия, а это месяца на 3-4; сбавить этот срок до 1 месяца значило дать на лапу столько денег и таким людям, что риск становился не столько высоким, сколько смертельным.

Откупаться в таком бизнесе было обычным делом, но одно – откупиться, чтобы никто не придрался и не создавал лишних проблем, и совсем другое – фактически нанять себе всё тех же людей, чтобы они ускорили процесс до уровня одобрения в Доме Правительства. Откажись кто-то один, и вместо ускорения сроков госкомиссии, можно получить сроки уголовные, и кто знает, до каких верхов Миэнкома это может пойти.

«Нет, Густав. – ответил старик. – Я полагаю, ты знаешь, что ЖК «Дом на набережной» не успеет пройти ГК к этому времени. 3-4 месяца. Ускорять слишком опасно. Остановимся на двух объектах».

«Ок. Я лишь предложил. – кивнул Густав. – 2 из 3 неплохо. Какое-никакое, а вполне сносное наследие будет даже с этим».

Густав знал, что убивать в этом человеке. У него была дочь, умная и расчётливая, которой он хотел оставить свою империю. Пока она училась в Англии, и сейчас приехала после сдачи сессии; через полгода ожидался расцвет Миэнкома, правление которым предполагалось передать ей, хоть и номинально. И передать, конечно, хотелось нечто большее, чем просто успешную компанию. Об этом Владимир Аркадьевич думал очень давно, только прорыв делать было не на чем, негде было совершать тот рывок, который вывел бы компанию из первой среди равных в безусловного лидера. Такой шанс показал ему новый советник пару минут назад.

Под вечер Густаву нужно было в «Шамбалу», ночной клуб на юго-западе столицы, там у него было свидание с Оксаной, бывшей моделью глянцевого журнала, а сейчас риэтором компании «Смарт хаус», агентства элитной жилой недвижимости. Продавала она квартиры примерно так же, как и своё тело на фотографиях. И хотя большинство клиентов совершали сделки через неё именно из-за желания пообщаться с умной красоткой, стоило отдать должное, что в элитном жилье, она разбиралась неплохо, и могла показать квартиру так, будто собиралась в ней устроить вечеринку с тем, что должно было последовать следом за ней.

При всём при этом она открыто говорила, что ни с одним клиентом она не переспала – лишь давала намёки. Ей нравилось, как мужчины следят глазами за её шпильками, длинными ногами, попой, желая угодить ей, лишь бы наблюдать за этим дальше, теряя рациональный ход мысли.

Интересовали её сами такие как Густав: красивые, умные и умеющие держать себя в руках, а не обтекать слюнями в присутствии женщины как она.

Сегодня она ожидала сразить его. Ярко красное платье, полностью открывающее плечи и с косым срезом внизу от колена до верхней части бедра. С её планом он не должен был устоять.

Она забронировала отдельную комнату для них на втором этаже: длинный диван, стол, стеклянные окна с обзором на танцпол и караоке.

Они были вдвоём. Густав сидел на диване, Оксана с микрофоном встала прямо перед ним. До этого она несколько раз говорила, что пока не готова петь эту песню, но после почти полностью выпитой бутылки «Асти Мартини» включила песню «Солнце» Ани Лорак.

«... это как с душой расстаться -
жить без тебя...»

Пела Оксана. Ей казалось, что она идеально исполняет эту песню. Нужно быть в нужном состоянии, чтобы произносить эти слова. И её внешность при этом. Она считала её идеальной, особенно ноги. Часто любила говорить про себя, а иногда и вслух, что, может, у неё плохой характер, зато самые красивые ноги. Она закончила петь и присела рядом с Густавом. Он был совершенно спокоен, будто происходившее только что лично его не касалось, будто он просто оценивает актрису на кастинге.

Положив руку на спинку дивана и слегка дотронувшись до её плеча Густав приблизил губы к её уху и негромко сказал: «И часто ты поёшь эту песню?»

«Нет. – Оксана слегка улыбнулась, не поворачивая голову. – Очень редко... Она моя любимая».

– Только в особых случаях? Или под настроение?

«В особых случаях под настроение.» – покивала она, улыбнулась и повернула голову. Её глаза просто блестели от желания, словно она готова была разорвать на себе это шикарное платье, чтобы вцепиться в него, именно вцепиться и не отпустить, пока он целиком не станет её собственностью.

«Мне понравилось. – утвердительно и спокойно сказал Густав. – Расскажи о себе, Оксан. Почему ты так любишь клубы?»

– Не знаю... Здесь чувствуешь себя свободной. Делаешь, что хочешь... Все свои... А вообще я хожу попрыгать.

– Наверно, родители всегда ругались...

– Да-а-а! Но они быстро привыкли, что у меня такой характер.

– Такой это какой?

– Злой... Да, злой. У меня ещё все спрашивали, почему я со своим молодым человеком рассталась. Я спрашивала в ответ: «Вот, а тебе бы понравилось, когда у твоя вторая половина приходит домой в 3 часа ночи и по пьяни». Они все говорили: «Нет». Я отвечала: «Ну вот, и ему это тоже не понравилось».

– Да. Откровенно.

– Что есть – то есть.

Она говорила от чистого сердца. Будто убийца, вечно скрывающийся и нашедший кого-то, кому излить душу. А с другой стороны было видно, что она себя оправдывает с видом на будущее. Чтобы потом не извиняться за своё поведение, а просто сказать: «Я же предупреждала, какая я есть».

Густав не часто таких встречал, но уже знал, что с ней теперь делать, осталось только узнать на фоне чего ему это делать.

«А чего ты больше всего боишься?» – спросил он.

«Грозы. Грома и молний. Мне нужно, чтобы кто-то рядом был». – она говорила очень серьёзно. Понятно, что это не тот страх, что парализует или заставляет терять рассудок, но вот то, что он выводит её из равновесия – это точно.

Оксана снова взглянула ему в глаза, руки нежно обвили его шею, ближняя к нему нога медленно и плавно залезла к нему на колени.

«Может, ты споёшь что-нибудь?» – спросила девушка.

«Нет, но знаешь... Можем пойти попрыгать».

Она улыбнулась и легко расхохоталась: «Пойдём, Гус!»

До этого она успела рассказать Густаву, что в клубах у неё очень много знакомых, а в этом особенно. И в этот раз уже поговорила с управляющей, барменом, официанткой, узнала, как дела, кто-где, кто Ди-джей и потом озвучила всё это вслух.

Оказалось, что тех, кого бы она рада была видеть, сегодня не было. Пабло, нового владельца этого заведения, из-за заносчивости которого многие перестали сюда ходить, она тоже не любила, но хорошо и давно знала.

Потанцевав немного, они присели на один из диванов в центре зала. Буквально через минуту она окрикнула кого-то проходившего мимо, тот подошёл, и они слегка чмокнулись в губы, после чего он пошёл дальше.

«Это Пабло», – возвестила Оксана. Было видно, что алкоголя ей уже достаточно, и в таком состоянии она может делать явные глупости.

Густав не стал ей припоминать, что она говорила ему про это человека пять-десять минут назад, про то, какое у неё было к нему отношение, и какими эпитетами она его осыпала. Это было слишком рано, но в этом направлении явно нужно было двигаться, раз уж она сама себя так ловко подставляет.

«А, владелец». – сказал Густав. – А почему его многие не любят?»

«Ну он раньше один из своих был. Ну, знаешь, когда почти не было денег, и все пытались друг друга поддержать. И сейчас пытаются. А он. Ему однажды просто повезло в жизни. Правда случайно. Просто удачно женился. Удачно для денег в смысле. У него их стало много. Купил этот клуб... И стал вести себя со всеми, как будто он лучше их. А все-то помнят, кто-откуда, какой человек, чего стоит. Привыкли общаться с ним на равных, вот сюда и не ходят теперь. В общем, достаточно стандартная история».

– Поменялся он значит...

– Да. Наверно. А, может, просто всё время таким был и сейчас просто стал явнее себя проявлять... А тебя деньги не меняли?

– Нисколько. Это глупость для меня. Меняться из-за денег.

– Почему это?

– Потому что, тварь, ты заслуживаешь того, что я с тобой сделаю. – злобно подумал Густав и сказал. – Потому что начинается всё с того, что человек хочет денег для достижения каких-то своих целей, и в этом случае деньги для него лишь средство. Даже когда человек, не имея ещё денег, стремится их заполучить, на самом деле он хочет совсем другого. Он хочет достатка материального. А это очень отдалённо относится к деньгам. Даже в этом случае деньги лишь средство. Но, получив это средство многие теряются. Они забывают о том, что хотели, забывают о цели и начинают думать о деньгах. Просто о деньгах.

– Ну да. Чтоб их было больше. – кивнула Оксана.

– Чтоб их не потерять. На самом деле, чтоб их не потерять... Люди не хотят после этого возвращаться в прошлое. Поэтому пытаются получить ещё больше денег. Как будто это отдалит их от того состояния, когда денег им не хватало.

– А почему ты говоришь, что деньги очень отдалённо относятся к материальному достатку? Не поняла.

– Весь смысл в слове достаток... Для каждого он разный. Меньше-больше одинаково плохо. Нужна тебе двухкомнатная квартира – живи в ней, нужен одноэтажный дом – тебе туда. Машины, дома – это как размер одежды. Не надо одному лезть на корабль с 20 вёслами – не справишься, лучше возьми маленький катер. Это и есть достаток. А когда человек в настоящем достатке, он мыслит ясно, знает, что ему нужно. Он просто на своём месте. А лишними деньгами мало кто умеет управлять».

– Ну как это лишними?!

– Тебя смущает это слово по отношению к деньгам, так?

– Ещё как.

– Оно многих смущает. По той причине, что большинство людей не умеет их тратить.

– Ну не согласна. Просто люди хотят большего, чем могут купить. Вот и всё.

– Да. «Хотеть» – очень интересное слово... Оно очень капризное, это слово. Видела, сколько кругом ходит людей с Айфонами? И с зарплатой в 30 тысяч при этом? Зачем он им? Это просто игрушка... Или на чём ездят. Машины по 2-3 миллиона, взятые в кредит. Та же игрушка, только больших размеров. И при этом не в состоянии подумать, сколько переплачивают за кредит или ремонт дорогой тачки... Просто захотелось купить «это». Понравилась модель... Люди вечно покупают то, на что у них хватает впритык, и потом пытаются оправдать себя и перед самими собой и перед другими, что поступили правильно.

– Ты так говоришь, как будто насквозь людей видишь. А если это не так? Если они и правда хотели это купить?

– Конечно, хотели. В этом вся разница. Разница в «хочу» и «есть необходимость». Замечаешь это, когда видишь на примере больших объёмов. Тогда это гротескно выглядит. Как-то я был на одном из авиасалонов во Франции. Мне платили за консультации по вопросам военной техники, сделок с ней и, самое важное, за то, чтобы эти сделки были выгодными. Надо было помочь одному арабскому шейху купить многоцелевые вертолёты. Нанял меня вовсе не он. У них, в Саудовского Аравии, несмотря на всю, казалось бы, монолитность и власти, и системы, внутри свои группировки. Не то, чтобы они прям уж так соперничали, но у них разные экономические интересы. Они одного рода-характера, но, условно, в разных местах, как если бы это были карманы. Одна из этих группировок сотрудничала с Локхид Мартин и платила мне за то, чтобы я уговорил купить его именно их вертолёты. Понимаешь, ему поручили просто выбрать лучшее, про них он ничего не знал. И я убедил его, что Локхид Мартин – лучшее. И он был согласен с этим. Но ему захотелось, именно захотелось, купить другое.

– Так он купил не то, что ты советовал?

– Он купил вообще не вертолёты. Ему понравились НУРСы, неуправляемые ракетные системы, российского производства. Просто впечатлили. И на них он подписал крупную поставку. А вертолётов ЛМ купил всего 10 штук, вместо необходимых 70-и.

– Да. Странно как-то...

– Ещё как. Но страннее то, что так по глупости и совершается множество покупок. Из-за «просто понравилось». И чем крупнее сделка, тем сильнее потом пытаются доказать, что она была необходима... Отсюда и вся отдалённость денег от достатка. Они путают сознание. – Густав, разумеется, не сказал самого главного. Что именно он и посоветовал выполнить установки из Эр-Рияда лишь номинально, чтобы показать всем, кто в доме хозяин. По прилёту домой принц оказался в опале, а его влияние забрал себе тот, кто был под колпаком у ирландца уже не первый год. Так Густав получил себе долю транспортно-логистического рынка в ещё одной арабской стране.

В этот момент Пабло прошёлся мимо них ещё раз в обратном направлении и встал у противоположной им стены. Можно было даже не сомневаться в том, что смотрел он на Оксану, и его звериное чувство, желание кем-от обладать в этот момент выпирало наружу, окрашивая глаза в едкий блестящий цвет, какой бывает у тех, кто чувствует себя охотником.

У Оксаны Густав ощущал яркие эмоции – пьяная инерция отдаться кому-то, тому, кто её сейчас заберёт, причём заберёт агрессивно, так, чтобы не было мысли сопротивляться.

«Пойдём танцевать, Гус», – сказала девушка.

Густав даже не посмотрел на неё; как будто его это не сильно интересовало, как будто ей стоило предложить что-то другое: «Потанцуй, Оксан. Я посижу пока. Отдохну немного».

Кругом было шумно, как и полагается быть в ночном клубе; всё гремело, и вся атмосфера призывала только к отключению мозгов. Всё так громко и туманно.

Оксана поднялась с дивана и направилась на танцпол. По её движениям и манере быть в толпе под постоянно меняющимся ритм музыки было видно, что подобная обстановка ей

не только привычна, но и очень приятна. Танцевать она умела и так, что хотелось обнять, прижаться и почувствовать её телодвижения на себе.

Буквально через полминуты к ней пододвинулся Пабло, и, прижав её рукой за спину, впился ей в губы. Так, словно хотел высосать её эмоции и ту эйфорию, что заставляла её прыгать на танцполе. Затем он просто убрал руку и двинулся в сторону, куда-то к барной стойке.

Реакция девушки получилась можно сказать никакой – издали было видно, что она улыбнулась, тыльной стороной ладони вытерла слюну с губ и продолжила танцевать дальше.

«Готова красавица. Можно ехать». – решил Густав и, закинув крупную денежную купюру в винное меню, неторопливо пошёл к выходу. В результате всех последующих действий сомневаться не приходилось – до чего бы всё ни дошло этой ночью, настроение у бывшей модели на утро будет отвратным, и, что самое главное, она будет винить во всём на свете себя: то чувство, когда хочется и извиняться и исправить всё, но всего так много, что руки не поднимаются с чего-то начать, потому как, за что ни возьмись, обо всё измажешься.

Спустя минуту Густав уже сидел за рулём. Когда после такого шума оказываешься не только в тишине, но и в своей машине, ощущение покоя приходит вместе с грандиозным чувством самости, словно переоделся из чужой одежды в свою собственную.

Времени было 4 утра, и ещё не начало светать; город всё ещё отдавал ночью. Отъехав от клуба, Густав выехал на Юго-западный проспект и двинулся в область, в пути ему предстояло быть часа полтора, до своего дома за Малым Областным Кольцом по Юго-Западному шоссе.

В такие моменты хорошо думалось. О том, что было, что будет, что есть сейчас.

Ему нравилось то, что происходит сейчас с людьми. Эпоха, когда массовое общество стало создавать единый общий поток мысли для каждого. Каждый думал по-своему, при этом думая, как и все остальные. Эта игра с подсознанием внутри огромного количества людей.

Ещё лет двадцать назад было общество потребления, когда всем нужно было просто заполучить «вещь». Затем эту вещь делали старой, и начиналась охота за новой «вещью». Теперь этого мало. В обществе потребления произошёл кризис.

Всем надо быть чем-то, быть кем-то, что-то значить для этого мира. Или хотя бы считать себя таковым, верить в то, что ты что-то значишь. Может, это произошло из-за востребованности сложной рабочей силы. Может, из-за того, что в социокультурном пространстве всё стало свободнее и приобрело более яркие очертания. Может, из-за того, что всё это стало доступным чуть ли не для всех путём информационной революции, сделанной интернетом. Но новый подвид человека сильно отличался от всех ему предшествующих.

Человек играющий. Постматериалистическая основа миропонимания, где игровая концепция жизни не просто толкает человека вперёд, а заставляет его получать удовольствие от того, что он делает. И даже мало того, чтобы всё получалось – надо, чтобы это красиво выглядело, надо создать креативный имидж.

Конечно, не без явных минусов. И новые «авгиевы конюшни» – это культурный шок, при котором нет очертаний стабильности, той самой стабильности, которая по своей сути просто является зоной комфорта; зато есть нулевая компетенция, ставящая всё под сомнение и необходимость собственной траектории, при которой необходимо постоянное осмысление.

Вырвавшись из оков собственных ограничений, некогда выстроенных для защиты самого себя от своих же глупостей, человек оказался перед зеркалом в чистом поле, считая, что так и лучше, и не понимая, к чему это приведёт. Как те страны, что владеют ядерным оружием; с истерикой, кровью и слезами добивавшиеся его до самого момента получения и с трепетом и тяжестью в душе с момента его обладания, заработав громадную ответственность за невинных во всём мире людей и робкое желание вернуть всё, как было раньше для всех, с обычными кровожадными всеубийственными войнами и примитивным пониманием человеческой жизни как таковой.

Всё это привело к фразе «Никакое знание сейчас не есть знание в «старом смысле», где «знать» – значит быть уверенным». И особенно это понравилось политикам.

Мир, целиком состоящий из одних предположений, позволял выстраивать эти предположения под себя вне зависимости от действий – по факту делать можно было вообще, что угодно, главное, чтобы это было правильно представлено. Именно представлено. Это лет двадцать или пятьдесят назад надо было что-то доказывать или обосновывать, а теперь достаточно просто это изобразить, изобразить так, чтобы его восприняли, как тебе нужно.

В такой атмосфере Густаву было намного интересней. Людей, которые в большей степени сами за себя отвечают, намного сложнее уничтожить, довести до состояния безысходности, отнять последнее. Ведь у человека уже нет единой опоры всего сущего, как это бывает с верующими или националистами. Когда человек всё происходящее с ним относит лишь к

своей собственной зоне ответственности, когда он знает цену ошибки, когда готов исправлять эту ошибку, лишь только заметив её, тогда он становится не просто человеком, а жизнеустойчивой машиной по достижению цели. Он становится целеустремлённым волевым охотником в жизни. И даже со способностями и многовековым опытом Густава действовать всё чаще приходилось нестандартно, словно цепляясь за ниточки в чужих просчётах, и это затягивало сильнее прежнего.

Например, с Кэтрин оказалось проще всего, хотя вначале именно она предполагалась крепким орешком, но её просто подвело отношение к животным.

Натали, которую Густав недавно убил, оправдала ожидания, демонстрируя желание чересчур надеяться и опираться на незнакомого мужчину, веря каким-то «знакам» в своей судьбе, при этом постоянно помня, о скольких она до этого вытерла ноги просто потому, что могла это безнаказанно сделать, и делала, получая непонятное для неё самой удовлетворение от собственной красоты.

Владимир Аркадьевич был опытный, но старый. Его не было необходимости ни «читать», ни выдумывать комбинации. Надо было просто дождаться его ошибки, как той, что образуется у любого, если долго не спать или делать всё самому. И главный его враг – усталость, никогда не покажется напрямую и не напомнит о себе. Такой враг всегда наготове, и потому всегда побеждает.

Единственная из последних, с кем можно было действовать по стандартам, так это Оксана. Но это просто повезло с алкоголем. Когда в деле участвует алкоголь, то нет уже места ни играющему человеку, ни ответственности за свой имидж и способность иметь правоту. Человек словно уходит в каменный век первобытных потребностей и возвращается оттуда, как из помойной ямы, не будучи уверенным не только в том, что его примут обратно, но и в том, заслуживает ли он этого сам.

«Запросы» на такой возврат Густав ожидал где-то днём или ближе к вечеру, но уж точно в этот день.

К пяти утра ирландец доехал до областного центра. Его дом располагался в густом лесу по дороге от коттеджного посёлка «Графская усадьба». Изначально он рассматривал возможность поселиться там, в элитной части, где дома стояли чуть ли не в лесу, разделяемые часто стоящими деревьями и отгороженные от другой части посёлка тремя прудами, но его слегка покоробил неминуемый факт соседства с людьми. Как-то будучи во Франции в первой половине 18-го века, он проживал в пригороде Парижа. Возможностей для соблазна при дворе было предостаточно, да и романтика того времени, была глубже и утончённей в своей сущности. Одна из его возлюбленных, оставшись с разбитым сердцем, не стала убивать себя ядом или топить в Сене, а повесилась прямо напротив его дома и так, чтобы было хорошо видно всем. Разумеется, последствий для него не было, хотя через день родственники девушки, разобравшись в чём дело, и заявили к нему домой, намереваясь растерзать его и повесить на том же месте, где висела она. К тому времени Густав уже уехал, хорошо запомнив, что в его случае необходимо жить отдельно от всех или, хотя бы там, где соседи будут закрыты друг от друга бетонными стенами каменных джунглей.

В этот раз он выбрал первый вариант и был очень доволен: у него был свой дом с автономным энергоснабжением и водоочистительной системой, всего два этажа с 4-х метровыми потолками и окнами в пол так, что со второго этажа можно было смотреть в чашу леса глазами охотника. По краям от дома были расположены две пристройки. Собственно, именно они были важнейшей составляющей всего комплекса: первая представляла собой башню, верхний этаж которой достигал такой высоты, что из панорамных окон можно было видеть верхушки деревьев, уходящих вдаль будто зелёное море, колосющееся на ветру – такой вид навевал Густаву новые мысли, новые возможности. Кроме того, именно здесь приятнее всего было

наслаждаться чужими страданиями, вспоминать верные шаги, достигнутые цели, а кромки деревьев словно соглашались с ним, кивая головами и подтверждая каждую мысль.

Вторая пристройка снаружи выглядела не больше, чем сарай, но это был всего лишь вход. Под землёй располагалось ещё 2 этажа, оба чёрных как ночь и напичканных всякой техникой. Минус второй этаж являл собой единую комнату с чёрным кожаным диваном честер в центре. Здесь хорошо было уединиться, когда для какого-то процесса просто требовалось подождать или придумать что-то новое, ведь именно подземелья давали самые изысканные и неординарные идеи и способы их реализации, и иногда даже удивляло, насколько большая разница в ходе мысли может быть только из-за того, где эта мысль зарождается – темнота делала мысль насыщеннее, свободнее и позволяла ей делать всё, что угодно.

А ещё этот бункер нужен был, чтобы лечиться, причём лечиться приходилось основательно... Головные боли. Когда это происходило, мозг просто раскалывался, и можно было сойти с ума. И это могло длиться один день или несколько подряд, или неделю, и когда это заканчивалось, соображать и думать над чем-то, вообще мыслить или передвигаться с места на место было сложно, словно надо было учиться этому заново.

Причина была в том же, в чём и потребность Густава, только наоборот. Он не мог жить без страданий других людей, объективно построенных на их собственной внутренней вине, но этих страданий не должно было быть слишком много. Как передозировка или отравление алкоголем, как переизбыток витаминов или аллергия на любимую еду, которой когда-то употреблял не в меру. И именно тогда, когда успехи Густава были не в меру, болеть начинало у него самого. Конечно, это не душа, и не пустота в груди, не безысходность и не потеря смысла жизни, но эта боль в голове становилась большей реальностью и естественностью, чем встающее по утрам Солнце или ледяной мороз для белого медведя.

Заметил он эту особенность своего организма достаточно давно: в 1648 году, когда в одной из немецких деревушек праздновали окончание Тридцатилетней войны, первого всеевропейского конфликта. Густав поочередно соблазнил и довёл до суицида восьмерых девушек всего за два дня – всеобщее ликование было настолько велико, что каждый хотел теперь счастья своего собственного, так что всё получалось куда проще и быстрее, нежели обычно. Через день у Густава стали появляться белые пятна в глазах, то есть с глазами было всё в порядке, только в том месте, куда они смотрели, было белое пятно. И странное ощущение слабости, как будто организм специально ослаб, собираясь сдать перед недугом. Затем белые пятна прошли, и началась боль – казалось, что пришло время умирать, казалось, что явилась, наконец, кара, и всё закончится. И всё закончилось – закончилась боль, и Густав понял, что это лишь плата за жадность, за время, с которым надо считаться; что даже для него есть рамки и определённая черта. Теперь он хорошо это знал, правда не знал точные границы дозволенного – может, чьи-то страдания глубже, а может, страдания от чужой смерти сильнее, чем страдания от собственных потерь. Густав не знал, как это измерять, а иногда просто хотел большего, оттого нарушал собственные запреты, страдая потом от пресыщения сам. На этот случай был бункер.

Поставив машину в гараж, встроенный в основное здание, Густав поднялся на второй этаж. Увидев свои новые ботинки от Карло Пазолини, он вспомнил, как ещё недавно на них лежал вечно ожидавший его щенок лабрадора, которого он вчера отдал не передержку Кэтрин. Это было первое животное, которое хоть какое-то время обитало в одном с ним помещении. Его отношение к животным было несколько иным, нежели к людям – животные всегда прямо показывают свои намерения, начисто лишившись понятий правда и неправда, имея лишь «данность», то есть «как есть»: любить, ненавидеть, нападать, защищаться, хотеть есть или спать, или, может быть, играть. Животные ничего не скрывают и всё показывают, причём только в той пропорции, в какой на самом деле испытывают. За этого ирландец их весьма уважал.

Пока этот щенок был в этом доме, он только и делал, что старался ему понравиться, и за всё время, что его не было, грыз только один, специально отведённый для этих целей ботинок,

и не трогал ничего другого. Густав знал, каково животным в раннем возрасте, каково это, когда режутся зубы, их главное оружие, и как важно им, особенно в таком возрасте, не оставаться одним. Тем более, что этот каштанового цвета щенок женского пола – самый что ни на есть дружелюбный и не терпящий одиночества лабрадор.

За окном задул ветер, и ряд ветвей прошёлся у окон дома, словно поприветствовал вернувшегося хозяина.

Это движений деревьев тут же вернуло Густава в его размышления – «молчаливое большинство», сейчас это так называется. И это большинство сформировалось из того, что кругом все стали рефлексировать в общении, и выстраивать своей имидж в социуме; релятивизм в мировоззрении, тот самый релятивизм, когда под сомнение может быть поставлено абсолютно всё, даже то, что когда-то было поставлено как догма. А кроме того, игровая семантика, в которой любой смысл имеет игровое значение, которое нужно угадать, но при этом каждый может сделать это по-своему. И клиповая культура, в которой развитие познания идёт рука об руку с развитием оценочного мнения, тесно выстраиваемого множеством коротких роликов, красочных и быстроменяющихся.

Таким образом, «молчаливое большинство» выбрало 2 интересных пути своего бытия: либо возврат к профессиональной культуре, в которой многие вещи приобретают снова яркие очертания, сформировав «подушку безопасности», либо возрождение этнокультурных традиций, в рамках которых будет не только приятно моделировать новое, но и с интересом и уважением смотреть на старое, что придаст уверенности и гордости за собственное «Я».

В это время даже зародилось новое понятие – «эмерджентность»: свойства всей системы не как суммы. Ведь так же понятней и логичней, когда индейские вожди после проведения всех ритуалов, которым, может, не одна тысяча лет, разъезжаются по домам на внедорожниках; или, когда новенький смартфон столичного студента раскрашен древнерусскими узорами, а при очередной простуде вместо антибиотиков 3 или 4 поколения он будет пить молоко с мёдом; или, когда загородный дом свежее испечённого бизнесмена сделан без единого гвоздя как строили лет 800 назад. Всё остальное может быть похоже на современность, но кусочек старого оказалось очень приятно вложить в целое, не присоединяя к этому целому, будто оно не дополняет картину, а создаёт новую, рядом с уже существующей, но гораздо меньших размеров, что делает жизнь более полноценной.

«Новые игрушки оказались куда интересней, и, главное, опасней старых. – подумал Густав. – Сейчас не всем понятно, где игрушки, а где ты сам. Будто ты сам стал игрушкой».

С такими игрушками было куда интересней играть, и одна из них сейчас как раз звонила. Оксана.

Разумеется, он не взял трубку. Да и ради чего её было брать. Ничего оригинального или нового она всё равно не расскажет – в таком состоянии ход её мыслей описать достаточно просто.

Во-первых, алкоголь заставил её думать посредством постоянных «сейчас-сейчас», периодичность повторения которых столь же велика, сколь и длительность их существования, таким образом время перестаёт иметь сколь-нибудь более-менее различные отрезки.

Во-вторых, окружающая обстановка в виде вакханалии ночного клуба при неугасаемом глухом грохоте напрочь растворяет личность и желание что-то решать – хочется просто двигаться в кажущемся с виду, но бестолковом по своей сути общем ритме бушующей на пустом месте волны.

И, в-третьих, никаких видимых или невидимых целей и задач они не ставили, когда туда шли. Они шли просто вместе, чтобы посмотреть друг на друга. И Оксана показала, какая она есть: беспринципная, своевольная и несостоятельная как личность. Особенно цепляло последнее, и это последнее должно было теперь заставить её страдать, особенно, когда протрезвеет.

Звонила она недолго и всего один раз. Видимо, слушать немые гудки тоже оказалось нелегко. И даже стало интересно, хотела ли она или извиниться за что-то или просто сказать, что тот парень желал её трахнуть.

Это неважно, хоть и было интересно. Важно, что она услышит в свой адрес послезавтра. Именно послезавтра, когда её не будет мучать алкогольная интоксикация организма, и самое время будет подумать о своих отношениях.

Густав поднялся в башню, откуда открывался его любимый вид на «лесные волны» и взгляделся в сумерки – обрели свои очертания зелёные кроны деревьев, показывая все относительно сильные дуновения ветра. Стоило всмотреться в верхушку где-то вдалеке, и создавалось впечатление, словно ты один знаешь, каково сейчас этому дереву, и даже лучше, чем оно сам. Видишь, как и что оказывает на него влияние, в какую сторону сейчас его качнёт, и что ждёт его после этого. Всё это лишь знание, не влияние – в случае с деревьями оно неважно, но вот в случае с людьми такое знание давало настоящую власть. Стоило только показать, что ты чем-то интересен человеку, и у него тут же вырастали уши. Стоило только скормить ему пару удачных советов или просто нужных слов, и он становился твоим другом, забывая о том, что только другой человек и никто больше может быть ему самым опасным врагом. Стоило одобрить эту дружбу, и он раскрывался, предоставляя совершенно незаслуженные возможности своего собственного уничтожения.

И больше всего Густава удивляли две абсолютно противоположные черты человека: с одной стороны его глупые наивность и доверие, и, с другой, его безжалостная жестокость и лицемерие. Эти два качества словно набирали каждый себе в команду окружающую действительность, причём характеристики такого отбора, что в отдельно взятой личности, что в целой цивилизации, могли меняться с поразительной быстротой и стремлением, ударяясь из одной крайности в другую.

Этим днём к Густаву должен был приехать Винсент, его недавний приятель, с которым они периодически обсуждали вещи, необходимость решения которых лежала в глубине сознания каждого человека. Говорили они обычно, поглядывая на кромешную тьму леса со второго этажа особняка.

«Вин, а что бы ты назвал главными отличительными чертами сегодняшнего этапа человечества? Ну, для общества, для людей как социума», – спросил Густав.

Винсент, видимо, не совсем ожидавший вопроса про что-то общее, а не про человека как про личность, даже не показал вида, что ему не совсем по душе такие вопросы, а лишь задумался: «Знаешь, так и не скажешь сразу. Может, латентность? Стремление к равновесию. У древних народов не было этого. Как и в Средневековье. Никто не думал о какой-то мере – просто брали по максимуму всегда. И всегда это плохо заканчивалось. Со временем такой жадности становилось меньше. И сейчас, видимо, витает нечто, подавляющее эту жадность. Латентность. По всей видимости, она есть и у общества, и у государства. Просто у всех в разной степени.

– Хорошая мысль. Раньше действительно делали по максимуму. Хотя бы на примере колоний. В Древнем мире колонии были просто частью государства со специальным статусом, основанным главным образом на удалённости. В Новое время пришли к тому, что в колонии может быть даже собственный условный король, и что порядок в одно и то же время в разных колониях одной метрополии может быть разным. А когда закончилась колониальная система, появилась и вовсе никому незаметная система глобального кредитования и инвестирования. Всё мягче и мягче, затем только, чтобы крепче держать.

– Да, правда, я не совсем об этом подумал... Хотя то, что ты сказал про кредитование, конечно, на деле просто гениально сделано. Работает-то уже больше, чем полвека, с того момента, как США стали реализовывать план Маршалла – кредиты тем, кто откажется от ком-

мунизма. Вот вам кредит, но потратьте его, куда нам угодно, на завод, который будет производить то, что нам надо, и на же продавать по цене, которую мы сами скажем. А сам кредит – «Сколько там должны? 2 млрд.? Нет денег? Заплатите в следующем году 2 с половиной. Опять нету? Заплатите в следующем году 3 с половиной». Потом приходит к власти тот, кто не хочет делать так, как они сказали, и они говорят ему: «Плати сейчас». В стране кризис, дефолт, потом новая власть. Новая власть оказывается «поумней», и ей долги также позволяют не платить вовремя, просто увеличивая их с каждым годом, пока, мало ли, ни придёт кто-то новый несговорчивый. По-моему, очень просто. И гениально.

Густав улыбнулся. Ему нравился такой подход к делу. Всегда нравился – подходит тебе кто-то или нет, но всегда смотри на то, как он что-то делает. Учись, а не завидуй. Это намного полезней и продуктивней.

«Ты так говоришь про американцев. – сказал Густав, поворачивая с интересом глаза от верхушек деревьев к своему собеседнику. – словно консультировал их по этим вопросам».

Испанец улыбнулся, ему смуглые черты лица слегка блеснули, сохраняя при этом некую мужскую грубость; безусловно у женщин он пользовался немалой популярностью: чёрные, почти как земля, волосы, тактичные манеры, разительно точный и быстрый по характеру, и весьма успешный, не дающий усомниться в легальности своих нелегальных доходов.

«Густав, ты помнишь же, чем я занимаюсь... Мой отец занимался тем же для Франко – у диктатора всегда были проблемы и с соседями, и со всеми вообще кругом, особенно после того, как он остался единственным тираном в Западной Европе, он же и с нацистами успел посотрудничать до этого, не все и уверены-то были, что его захотят оставить на его месте... А выживать хотелось...», – Винсент повёл бровью, словно пытался подтвердить свою мысль не только словами, а потом продолжил: «Без нефти в современном мире, сам понимаешь, долго не протянешь, а это очень быстрый товар, ходовой – чем живей экономика, тем быстрее она его кушает, о населении там уж никто и не думал... Так вот, к чему я это. Со стороны выглядит очень смутно, что на каких-то левых перевозках можно долго и стабильно держаться, но это не так. И это везде «не так» – любая вещь, любой процесс, кажущийся непостоянным, на самом деле может стать таковым. И, поверь, со временем, когда всё отработаешь и наладишь, возить контрабандой, куда проще и быстрее, чем толпиться и маяться с заполнением деклараций и прохождением таможенных досмотров. И лучший пример тебе поток наркоты из Латинской Америки в США. Вроде и ловят контейнерами по всему маршруту и душат в корне на местах производства, а меньше не становится... Собственно, к чему я это всё. Американцы. Их ненавидят на всей планете, наверно. Вроде как ведут себя вызывающе, живут за счёт других. Так-то оно, конечно, так, но только им это всё не с неба свалилось. Это всё получилось из-за их системы. Системность, вот я к чему. Всё сделано «по науке», условно говоря. Как когда-то в Римской Империи. Как сейчас в Макдональдсе. Всё очень просто, понятно, отработано. И, главное, есть общие правила, которые приходится соблюдать. Например, в системе власти США такая система называется системой «сдержек и противовесов» – один орган не даёт выйти за рамки другому, и так пронизан весь государственный аппарат. И также и правовая система, и так же выборы. Конечно, всё не идеально, но только вот лучше никто не придумал».

«Достоинно», – кивнул Густав. Монолог собеседника его явно устроил в части ответа, и было видно, что этот ответ давно был сформирован, обдуман, скорректирован, но, возможно, подан кому-то к оценке в первый раз.

«Так вот, мой отец, когда начинал заниматься контрабандой сырой нефти для Франко, тоже слышал достаточно о том, что его объёмы ничего не дадут, потому что имеют смысл только масштабные государственные объёмы, возможные только открытым путём, а он сказал, что значение имеет всё, что системно. И он оказался прав... Конечно, его достижения не покрывали всех потребностей, но этого хватало для выживания в тех условиях, особенно, когда его методы применили в разных направлениях».

В этот раз ирландец ничего не ответил. И так было понятно, что он согласен с этим. Он только кивнул – его собеседник подкинул ему мысли, относительно того, чего не хватает ему в целом. Как раз этой системности. То есть она была, конечно, на каком-то уровне, но это всё было основанное и выработанное эмпирическим путём, после ряда ошибок и заблуждений. Нельзя было усомниться в умении и способностях Густава манипулировать людьми и провоцировать нужные ситуации, но то работало по принципу каждого отдельно взятого случая – ни общей цели, ни какой-то связи во всём этом не было... А стоило сделать.

Густав взглянул внутрь стакана – бурбон, лучезарная бурая жидкость, сладкая кукуруза. Когда-то это был просто самогон. Из Кентукки. Потом он стал кентуккским самогоном. Потом сезонным кентуккским самогоном из кентуккских дубовых бочек. Потом его называли бурбон. Системность. Вот в чём причина того, что этот алкоголь стал бурбоном, а бормотуха из соседней Вирджинии осталась лишь одной «из».

«Так значит США такие все из себя из-за системности. – утвердительно сказал ирландец. – А чем объясняется такая избирательность именно у них. С неба свалилась?»

Винсент улыбнулся: «Если б с неба, дружище, то не прожила бы и дольше одного поколения... Это, конечно, всё привлекательно смотрится, когда что-то лучшее вроде как идёт откуда-то сверху, с непокорных, так сказать, вершин. А вот всё наоборот в этой жизни. Все достижения, все успехи, все невероятные свершения идут из ямы. Если тебе угодно – из выгребной ямы».

– О как!

– Именно так. – испанец ещё раз мило улыбнулся. – Откуда тебе берутся чемпионы по боксу: из Бруклина или из Диснейленда? Нобелевские лауреаты, в каких краях выросли и состоялись как личность, в пригороде Мальмё? Бизнесмены, которые с пустого места создают коммерческие империи, вышли из Брюсселя и Гамбурга? Нет. Эти люди в подавляющем своём большинстве родились и сформировались в какой-нибудь адской заднице, куда, образно говоря, и солнечный свет-то попадает, получив визу. Они там выросли и решили, что им нужно что-то большее, а потом просто вошли во вкус... Посмотри на биографии великих людей – это дорога смерти, а не спуск с Олимпа к людям для демонстрации».

– Неплохо. Даже очень. А Соединённые Штаты у тебя тут причём?

– Так, а ты посмотри в самое начало – это же страна отбросов. Когда они были колонией, туда ехали нищие, беглецы, уголовники, конечно, проститутки и просто неудачники по жизни. Чтобы начать новую жизнь... как ты видишь, у них это получилось. И по одной просто причине – они уже побывали на дне, чтобы уяснить одну простую и единственную вещь – на дне им не место. И ещё, как ты сейчас можешь увидеть, они уже сами определяют, где будет дно. Вот, откуда системность берётся.

– Из грязи в князи значит.

– Это русский фразеологизм. Но посмотри, даже в этом выражении есть что-то уничтожительное. Русские вообще не любят такое. Им надо: родился в хоромах – там и живи, родился смердом – тяни лямку. Всю жизнь. Такой своеобразный добровольный фатализм. С одной стороны вроде как очень мрачно считать, что внизу так и останешься, а большая часть-то именно там. А с другой – душа-то спокойна. Ничего не решаешь, так помрёшь – и на небеса. Вся суть православия. На Западе даже думать о таком не будут. И если ты чего сам добился, то ты не «из грязи в князи», а ты selfmademan – человек, который сам себя сделал. И там это вызывает уважение, а не тихую зависть.

Густав усмехнулся: «Да ты русофоб!» и залпом выпил бурбон.

Винсент допивал уже четвёртый стакан: «Мне, если честно, и без разницы, как это называть. Людей не переделаешь, но можно научиться их лучше понимать, а точнее откуда-то в них берётся... И сейчас главный всеобщий, тренд – это быть в тренде... Заигранность человека играющего. Когда польза от игры переходит в самоцель. Изначально цель была найти себя в

этой игре, быть собой... Но инструмент оказался настолько сладок, что заменил собой саму сущность этой игры. Не игра для тебя, а теперь уже ты для этой игры. Ты не в себе. Ты всегда в чём-то. В своей семье, или работе. Может быть, в друзьях. А, может, в Боге. Или в заботах. Даже если ты полный эгоист, ты не в себе, тогда ты в куче мелочей, которые для тебя: костюмах, машинах, или собственном лице. В чём угодно, но только не в себе. В себе быть не получится. Это уже будет клиника, сумасшедший дом... Если ты будешь в себе... Да и зачем тебе это. Ты же не центр Вселенной, даже если хочешь им быть. Ты не хочешь – тебе это просто кажется. Ты не понимаешь, что будет потом, для чего это тебе. А это глупое и неосознанное «так захотелось» только губит даже самые эгоцентричные личности. И губит не со стороны всех остальных, а со стороны себя. Когда сам начинаешь доказывать и обосновывать свои же поступки, придуманные не собой, но только собой и сделанные. Причём ладно бы доказывать это кому-то – ты будешь доказывать это себе, будто защищая факт своего существования. И чем сильнее ты это защитишь, тем меньше тебя останется на самом деле».

Густав никогда не думал причинять этому человеку боль. Или смерть. И не то чтобы тот этого не заслуживал. Просто этот человек был отличным собеседником, чем-то похожим на него самого. Уничтожить его – тоже самое, что подтопить печку книгой со своим лицом на обложке: может и станет тепло, но книги потом хватать не будет, не говоря про то, что достаточно другого, более годящегося для этого материала, нежели структурированный объём умных мыслей, сохранённых на бумаге. И похоже, что Винсент сам понимал это: и не столько то, что ему ничего не угрожает, сколько то, насколько опасен его собеседник. И не сказать, что это как-то привлекало, но явно добавляло ко всему своего интереса, и хотелось рассказывать о таком, о каком обычно не хотелось даже думать.

Самое большое сходство у них было в подходе. Они оба смотрели на людей, как будто со стороны. Обычно так смотрят на тех, кто не в твоей жизни, на тех, кто будто в новостях, на тех, кто тебя совсем не касается. Но они так смотрели на всех. Словно и как-то «своей» жизни у них нет, словно в ней просто никто не может быть.

Всё же много больше силы в мягкости. Даже, когда это касается неодушевлённых предметов – не торопись, будь своевременным и естественным как вода в ручье, заполняющая огромное озеро или даже реку, переходящую в море. Естественное течение никогда не встречает никакого сопротивления, а если оно имеет дело с чем-то разумным, то это разумное считает своим долгом не то что не препятствовать, но и помогать этому. Такой оригинальный природный закон – сохранять и поддерживать естественное. Стоит лишь притвориться этим естественным, и можно считать себя победителем. Кем бы ты ни был: человеком, государством, системой или алкогольным напитком. Может, даже насекомым – как лже-королева у муравьёв, которая только притворяется королевой, но не выполняет ни одной её функции, и муравьи будут кормить её и охранять, делать всё, что необходимо, чтобы она жила, а взамен не получают ничего. И всё это лишь из-за того, что она естественна, естественно заняла пусть даже совсем не своё и не предназначенное для неё место.

Тут Густаву стало необходимо поговорить о самом что ни на есть неестественном, что бывает в людях – их желании расставаться с жизнью по собственной воле. Необходимость поговорить о самоубийстве. И такое впечатление, что Винсент знал про суицид столько, словно сам совершал его не раз, а потом возвращался и писал мемуары: «Знаешь, есть такое понятие в мире как суицидальный туризм... Ну, в одних странах право на эвтаназию есть, в других – нет. Вот можно так приехать туда, где есть, ну, и сделать, что хотел... Ну, правда, ведь не так важно, где умрёшь. А тут ведь ещё и специалисты подходящие есть... Методы... Всё, что нужно».

«В каких же краях так промышляют? Не в Швейцарии случаем? Там ведь самоубийц со всей страны можно в сборную собирать...» – Густав налил себе ещё порцию бурбона в стакан.

– Да и там. Даже не знаю, откуда это началось. Но там есть. Многие и против были, и референдум устраивали. Но ничего не изменилось. Так сказать, право каждого себя на тот

свет отправить. Не поймут только сами, чьё тогда право помогать в этом. Мрачноватенько, конечно... Но в Мексике-то даже и не думали ничего запрещать. Там, собственно, и о технологии не очень заботятся. Ну сервис, он и в Африке сервис, только вот, как всегда, разумный... Они там таблетками себя травят. Как сильное снотворное – заснёшь и не проснёшься потом. Словно и не умираешь, а засыпаешь просто. Пенобарбитал. Только вот за качеством в Мексике не следят. Мертвый же всё равно потом отзыв не напишет. И переделывать не попросит. А то, что он не просто заснул, а ещё и задыхался в конвульсиях перед этим... жадно глотал воздух, искал побольше, карабкался с того света... на самом-то деле пытался выжить, до этого так стремившись умереть... Это ж ведь никто уже не расскажет... – Винсент отхлебнул ещё виски, потом посмотрел на стакан – большой крепкий стакана, словно глыба лунного льда, никогда не бывавшая в своей сущности ничем иным. – Знаешь есть ещё такие знаковые места, например, высотные сооружения, с которых, условно говоря, любят сбрасываться. Ну вот, в Великом Новгороде это была башня из стальных балок на набережной у Драматического театра. Немного апокалиптическое место. Так вот после нескольких случаев её просто демонтировали. В-общем-то логично... А вот со знаменитым висячим мостом в Сан-Франциско так не сделаешь. Так там до сих пор и прыгают. К чему я это, собственно... Один из таких выжил. Ну, неудавшийся самоубийца. И потом он сказал, что когда ты уже прыгнул, то моментом в то время, что ты летишь, понимаешь, что все твои проблемы решаемы. Кроме одной. Что ты уже летишь с моста... – Винсент замолчал, снова посмотрел на стакан, снова приложился виски. Да, он явно знал про суицид столько, сколько вообще позволяло знать человеческому разуму.

За окном вдруг тряхнуло деревья. Ветер. Сильный и порывистый. Он шатал деревья из стороны в сторону и бесился с яростью пьяных викингов, будто нечто, сказанное только что, касалось его самого. И Винсент это словно почувствовал.

– Не стоит принимать это близко к сердцу. – сказал Густав, не отводя взгляд с размашистых крон, танцующих в едином ритме. – Людям свойственно воспринимать природные явления на свой счёт... Раньше это было, конечно, эпичней – затмения там, и грозы, любые стихийные бедствия... даже смена дня и ночи. И всё теперь кругом доказано. И с такой бешеной уверенностью... Я как-то общался с несколькими канадскими индейцами. Племя так и живёт в лесах до сих пор. Само по себе. И всё с теми же представлениями... Так вот, они считали, что Солнце и Луна это муж и жена, а видно их по очереди из-за того, что они передают друг другу держать на руках их ребёнка. Тогда я спросил, что же происходит в те моменты, когда никого из них двоих не видно, как например, в дождь. «Они оба натягивают луки» – сказали они мне, а на вопрос зачем они это делают ответили: «А это нам откуда уж знать?» Понимаешь, насколько это наивно? То есть до какого-то момента они абсолютно уверены, после какого-то момента ничего не знают, и делают вид, что так и надо. И хотя на самом деле от их предположений ничего не меняется, это, условно говоря, помогает им жить.

– Почему «условно говоря»?

– Просто потому что до определённого момента. Потом кто-то начинает думать, начинает задавать вопросы. И тогда это уже начинает мешать... Явления природы вообще не надо комментировать. Они есть и всё. Они ничего не выражают. У них даже нет такой способности. Хочешь изучать их – изучай. Но не стоит интерпретировать их поступки. Потому что это даже не поступки. Это просто данность. И не пытаться найти в этом смысл также глупо, как несколько тысяч лет назад персидский царь считал, что он наказывает море плетьюми.

Винсент выпил оставшееся в стакане: «Хороший пример. У меня есть ещё один... В Египте. Перед каждым разливом Нила. От которого, собственно, зависело выживание всего этого древнего государства, фараон издавал указ об этом. Нилу. То есть давал приказ реке разлиться для того, чтобы потом можно было посеять и собрать урожай... Интересней повернуть наоборот – они считали, что если приказа от фараона не будет, то не будет и разлива Нила... Кидать свёрнутый лист папируса в реку, и считать, что от этого что-то изменится... Да, это

глупо... Но люди всегда насколько боялись природы. А ещё больше они боялись людей, которые прикрываются этой природой, отождествляя её с собой. И вряд ли что-то когда-то изменится. Уж слишком человек ничего не значит ни для неё, ни для тех, кто ей прикрывается. А человеку свойственно особенно бояться не того, кто просто силён, а того, для кого он ничего не значит, словно боится, что его раздавят как букашку.

С каждым словом Густав лишний раз убеждался в том, что не зря сохранил жизнь этому человеку, а не уничтожил его. Два года назад Густав путешествовал по Юго-Восточным районам Турции, его интересовали древние крепости в скалах, выглядевшие как из какого-то фантастического фильма. Через те же места Винсент покупал контрабандную нефть из Ирака, не заботясь о том, от кого она, куда пойдёт, и кто на этом кроме него, заработает. А доход она приносила исламистским боевикам, впоследствии основавшими целое квази-государство. И, хотя сами каналы поставок были сформированы ещё в ранние годы правления Саддама Хусейна, когда после неудачной интервенции в Кувейт на Ирак были наложены международные санкции, обязывающие продавать нефть за продовольствие по заниженным ценам, потом эти каналы стали фактически финансировать терроризм.

Винсент покупал у них и переправлял далее в Европу, продавая сырьё на Роттердамской бирже под видом турецкой. Об этом знали многие: и в ЦРУ, и в европейских спецслужбах, не говоря уж о турецких, и всех это устраивало. Но не устроило конкурентов из BritishDutchShell, которые и заказали Винсента. Ему просто повезло в тот раз. Он встретил Густава среди развалин старого города.

– В мире вообще много странного. – Густав говорил это с каким-то опытным интересом как говорят обычно заумные учёные-биологи о каких-нибудь новых видах животных. – Одна часть планеты, например, вечно пытается спасти животных. Причём если сначала всё началось с редких видов, то сейчас кто-то пытается спасти вообще всех животных, даже, например, тех волков, которых вырастили в неволе, чтобы потом сделать из них шубу... А как-то я был в Непале. Так там есть праздник, когда сотни животных: овец, коз, – режут в качестве жертвоприношения. Массово. Это же даже не десятки. Это сотни. И на просто так. Не на какие-нибудь шкуры или мясо. А просто так. Как традиция... – глаза Густава были совершенно спокойны – с таким же выражением он мог рассказывать и про детские праздники на Новый Год, и про установку буровых платформ в океане, и про нацистские концлагеря – просто как подача информации, а дальше можно было смотреть на реакцию собеседника: пока сидишь сам без эмоций – ты открыт; стоит собеседнику что-то почувствовать, и почувствуешь это сразу сам. Так можно было понимать других, так было проще ими манипулировать.

В этот момент Винсенту позвонили. Ему действительно было пора. Сегодня вечером ему вылетать в Стамбул на встречу. Стоило поторговаться о будущем, а для этого сойдёт только свежая голова.

«По пьяни опять?» – Густаву было не то что важно, а, скорее, интересно, сколько можно кататься в нетрезвом состоянии по кракожинским дорогам на дорогой машине.

«Судьба помогает храбрым» – Испанец сказал это, глядя вдаль. И было видно, что для него это не просто слова, и не самоуверенность. Для него это порядок действий в жизни. «Латинская поговорка», – добавил он. – «Римляне уж знали как выигрывать». Спустя пару минут, Винсент уже вышел из дома, направляясь к своему Крайслеру 300С.

В комнате стало чуть темновато. Но чуть. В голове витало много мыслей. Густав включил ноут и зашёл в Фейсбук – сообщений было под 300 штук, но стоило открыть их, и оказалось, что почти все писала одна Оксана, всё утро.

Сейчас она была уже не онлайн и, наверно, вырубилась от выпитого, но до того момента, как это случилось её прорвало как венецианскую канализацию. Она истерила, оскорбляла, извинялась, оправдывалась, признавалась в любви и говорила, что других таких как он в её

жизни не может быть. Ей было и стыдно, и страшно. И раздирало от ответного молчания. И легко и тяжело писать это. И хотелось, и не хотелось услышать ответ. «Так ты меня любишь или нет Я СПАРШИВАЮ?????!!!!!» последнее её сообщение.

Густав ничего не написал в ответ. Она же ещё недостаточно помучилась. Пусть верит в надежду. Люди же так любят эту поговорку «Надежда умирает последней». Видимо, все так любят то ли умирать, то ли проигрывать, а, может, разочаровываться.

Пусть ждёт. Сначала это будет приятное ожидание, потом оно станет сносным, затем трудным и, наконец, невыносимым. «Почему он молчит? Куда он вообще делся??? Он что, специально???» – вот какие вопросы её ждут. И дальше она будет придумывать что угодно, лишь бы не считать, что он, действительно специально. Ведь он написал, что любит. Ведь это, наверно, так сложно написать. Ведь врать же нельзя, наверно, в таких случаях. Ведь он же видит её состояние.

«Глупые люди», – в сотый или тысячный раз в своей жизни подумал Густав. – «Тысячи лет доказывают друг другу, что надо смотреть на поступки, и все дружно продолжают смотреть на слова».

Через пару часов, разумеется, Оксана позвонила. Послушав несколько гудков, чтобы дать ей больше почвы для сомнений, Густав поднял трубку: «Да».

Тишина. Сначала тишина. Почти всегда. Тишина ведь всегда впереди поступков.

«Гус», – голос девушки и выражал всё, и ничего не выражал. Полон пустотой. Той пустотой, что кормит безысходность. Перед тем, как звонить, она долго думала, над тем, как рассказывала всем о своей чистоте и принципиальности с клиентами, не смешивая личную жизнь с общественной. И при этом врала. Врала также всем. Она спала практически со всеми мужчинами, кто заключил через неё сделку по недвижимости. У неё даже укоренилась сама фраза в душе «сделка через неё». Она верила, что в один прекрасный момент просто встретит своего человека и скажет громкое «нет» такому отношению и в один в миг забудет обо всём этом. Но это время всё не наставало. А такие сделки с мужчинами давно стали данностью. И, когда вчера наступил момент выбора, она подумала, что это «всего лишь ещё один раз, который ничего не меняет». Ведь Пабло тоже покупал квартиру через неё.

«Да» – Густав держал паузу. Как всегда. Человек сам себе лучший палач.

«Я звонила утром... Ты читал мои сообщения?»

«Сообщения? Нет. Я проснулся недавно. А что, там что-то срочное?»

Тишина. Снова тишина. А всё по той причине, что ответ не тот, что ждали. Ни упреков, ни нравочений, ни болтовни попусту, а лишь безразличие, тянущееся как слоистые облака по небосклону.

– Густав, я не хотела... Я была пьяна. Я даже не всё помню... Или даже я почти ничего не помню.

– А что надо помнить? Всё просто как есть.

– Не говори так. Прости. Я...

– За что прости? Тебе не за что извиняться. Так же как и обиды никакой быть не может.

– Так... Так ты не обижаешься на меня?

– Нет. Конечно, не обижаюсь.

Она вздохнула. Она знала. Есть мужчины. Настоящие мужчины, которые умеют понимать. Умеют держать удар. И делают это с честью. О таких говорят, что они сделаны из стали. И он именно такой. И он. Именно с ней.

Она ещё раз вздохнула, желая ещё раз ощутить то облегчение, которое было только что, когда эта груда камней, эта раскалённая масса железа свалилась прочь с её плеч. Теперь легко. Теперь можно жить дальше. И теперь она будет с ним. Только с ним. Всегда.

– Я... Так рада... Ты даже не представляешь, какой груз сейчас с меня свалился... Так я приеду к тебе сейчас?

– Не стоит.

– Хорошо. Ты прав. Мне стоит прийти в себя. – она ещё раз вздохнула, на этот раз улыбаясь, и чтоб было слышно в трубке. – Тогда лучше завтра?

– Нет. Тебе не стоит сюда приезжать.

Маленькие сомнения. Как лёгкое дуновение ветра. Как будто слегка потемнело, а начинаешь думать, что лишь моргнул.

– Не к тебе?... Почему, Гус?

– Оксан.

– Да, милый.

– Кому нужна шляха?

Что-то прогремело у неё в ушах. Или, может быть, не в ушах. Где-то внутри. В глазах стало темно, и наступило ощущение, что она забыла как дышать. Как дышать тем воздухом, что её окружает. Она пыталась прокашляться, продавить что-то мешающее ей в горле и спросить «почему?», «зачем?», «как мне исправить?». Она пыталась это сказать, когда в трубке уже звучали короткие гудки, когда её солёные слёзы вперемежку с тушью катились по щекам мимо дрожащих губ. Она пыталась поверить, что не она такая, а так получилось. Она пыталась вспомнить, что всё было по-другому. Она пыталась и пыталась, не понимая, что рвёт своими ногтями своё же собственное глупое сердце...

Винсент

Двигаясь медленными уверенными шагами к машине, Винсент слушал лишь цокот своих каблучков. Особенно приятно было их слушать после таких разговоров. Он ощущал себя победителем. Тем человеком, кто сам выбирает свой путь, свою сущность... И даже свою смерть. Ей он отвечал «В другой день...» Ему вспоминалась одна фраза из известной саги, где персонажи говорили смерти: «Не сегодня», но она понравилась ему не до конца. Именно так думает большинство людей. Они отнекиваются, отворачиваются, стремятся избежать – это не дорога победителя. А значит, я не откладываю, как призывник, ненужный момент, а назначаю его сам: «В другой день!»

Ночь темна. А Винсент пьян, хоть и не слишком сильно. И в очередной раз садясь за руль с мутным сознанием, с нетвёрдыми руками, с глазами, которые закрываются сами собой, он просто сказал: «В другой день».

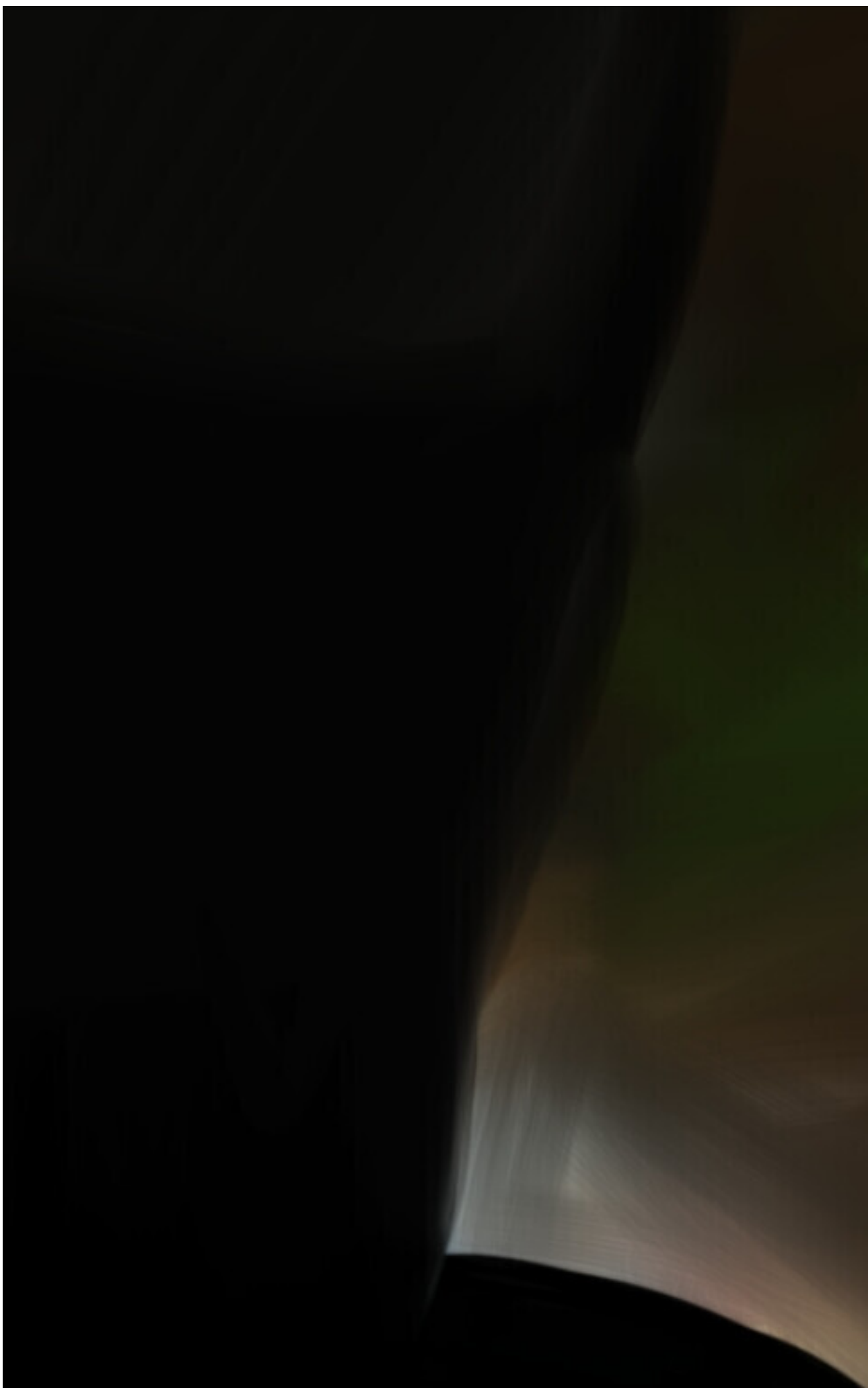
Не волновало, в какой. В этом году или в следующем. Зимой или летом. Трезвым или пьяным. Просто в другой.

Повороты давались ему легко. Как обычно. Всё как обычно. Он, его машина, его тело, его дорога. Дорога шла своим чередом. Завтра в Стамбул. Там Башкурт. Точно будут просить скидки. Скажет время тяжёлое и всё такое. До чего это банально. Время не бывает тяжёлым. Как и лёгким тоже не бывает. Всё это касается только людей. Как и проблемы тоже касаются только людей. Так же глупо говорить про тяжёлое время, как говорить, что у времени могут быть проблемы. Нет никаких проблем у времени. Есть только данность. А Густав. Да. Крут он всё-таки. Есть чему поучиться – всегда слушает. Всегда учится сам. Вот именно этому стоило бы у него учиться. Прямо как старец. Эдакий старинный мудрец, который впитывает в себя вселенское знание. Интересно, а у него с женщинами вообще всё ок? Вроде бы какие-то у него бывали, а вот подробней. Надо бы спросить. Хотя попробуй у него спроси. Сам же спросишь, сам же потом на свой вопрос отвечать будешь. Этому бы тоже поучиться у него. Хитёр. Крут и хитёр.

Поворот ушёл в сторону сильнее предыдущих, и машину повело круче, левее, на встречную. 140 км/час. Нет проблем же вернуться обратно, да ещё и с такой техникой: 300С силён на поворотах, резина только обкатанная, на ней в гонках можно участвовать. Чуть пройти поворот, и как раз вернуться на свою полосу. И, правда, как в гонках – оставить лишь малый зазор у левого края при повороте направо. И потом вернуться на свою полосу.

Два белых огня спереди. Фары. Прямо впритык... Тормозить нет смысла – направо уже не вернёшься.

Ни капли нервов. Ни капли страха. Винсент просто мгновенно протрезвел. Разбиться – так разбиться. Не самая глупая смерть, какие бывают. И в любом случае он выбрал её. А значит стоит подтвердить это. Просто быть уверенным до конца. Ботинок лёг на педаль газа...

Он не очень осознал и совсем не мог вспомнить, как именно он объехал ту машину. Вроде слева от неё прям по кромке дороги, при том, что его ещё сильнее занесло. Вроде не так. Эти все вроде... Вроде... Вроде...

И совсем не вроде, что он жив. Жив, и его даже не задело.

Винсент взглянул на удаляющуюся машину в зеркале заднего вида и сказал. Первый раз в жизни он сказал это После, а не До: «В другой день».

Кэтрин

Кэтрин не до конца понимала, что вообще происходит с этим щенком – он просто не хотел есть. Он не делал ничего особенного: не стонал, не скулил, не гавкал – он просто не ел. И смотрел на неё. Своими добрыми карими глазами, просящими помощи. От неё.

Она уже связалась с несколькими лучшими ветеринарами в городе. Потом со своим отцом, который связался уже с лучшими ветеринарами, известными только узкому кругу лиц, где одних денег недостаточно, чтобы получить помощь. И потом анализы. И потом снова консультации. И новые анализы.

И всё говорило об одном – собака полностью здорова. Об этом говорили все и всё... Только не одно «но». Его глаза. Кэтрин видела в них смерть. Да, она была молодой, но всё же журналисткой, которая побывала много где, и много чего видела. Смерть нельзя с чем-то спутать, смерть везде одинакова. И сейчас эта смерть сидела внутри этого зверя и смеялась над ней.

Ей надо было что-то делать. Это странное «что-то». Что-то ещё, когда всё уже сделано. Когда все и сказали, что ничего делать не надо.

Она хотела поговорить с Густавом. Её картина счастья с ним была под угрозой. Он ей доверился. Доверил этого щенка, который просто перестал есть на второй день.

В её планы не входило звонить ему самой, да ещё так рано. Мужики всегда не выдерживали и суток. Но не он. Он был другой. И это казалось ей судьбоносным. Не такой как другие и созданный только для неё. И он должен её понять. Она не виновата, что щенок не ест. Она сделала всё, что можно было. Что требовалось. И, может, ничего и страшного. И всё же. Надо позвонить ему...

Густав почти сразу взял трубку: «Да, Кэтрин. Привет»

Первым делом, конечно, она улыбнулась: «Густик, я... Как дела у тебя?»

Ей уже не хотелось говорить про кого-то ещё, кроме них. Кроме их будущего. Кроме счастья, которое их ждёт.

«Отлично. Занят немного только. Как там Добби?»

Она замаялась. А что с ним? Да всё с ним в порядке. В конце концов, чего она напридумывала: куча врачей с массой средств современной медицины за бешенные деньги не нашли вообще никаких даже поводов волноваться. Не то чтобы какие-то недуги. А отдавать щенка ему обратно всё равно через неделю. Вон он уже вроде и кушать просится...

«Добби отлично. Не пойму только, когда хочет есть... Но отлично. Я посоветовалась с парой знакомых врачей, они сказали, что такое бывает. Так что... Мы увидимся?» – конечная фраза выскочила просто на излёте после полного набора слов и плохо сочеталось с последней фразой Густава – стало выглядеть, будто она его и не слушала: «То есть я хотела спросить, может, мы как-нибудь погуляем, когда ты освободишься?»

– Конечно. Конечно, погуляем.

– И я ещё хотела спросить насчёт щенка...

Густав перебил её: «Кстати, да. Я же хотел забрать его пораньше. Почти всё закончил. Быстрее, чем ожидал, и заберу его... Как насчёт послезавтра днём? Часа в 3?»

Кэтрин выдохнула с облегчением: «Да, конечно. Мы же погуляем тогда?»

– Да-да, обязательно. А что ты хотела сказать насчёт Добби? А то я перебил. С ним же всё хорошо?»

– Да нет, ничего. – она нежно улыбнулась в трубку. – Просто мне кажется, что я уже начинаю по тебе скучать...

Поговорив ещё пару лёгких минут и пожелав «спокойной ночи» Кэтрин положила трубку и, встав из-за стола, направилась к холодильнику. Красное сухое из Бургундии стояло на дверке. Налив полный бокал, она выпила его наполовину и улыбнулась. Скоро он будет с ней. У них идёт всё, как надо. Она умеет заботиться о своей второй половине и, уж точно, сможет позаботиться и о нём. Как и он будет заботиться о ней.

Кэтрин повернулась и снова встретилась глазами со щенком, который лежал в точно таком же положении, что и с самого утра. «Да всё с ним порядке. – подумала девушка. – Просто грустит по своему хозяину. Чего я разволновалась. Он отдал мне собаку на передержку. Я

всё делала и делаю, как надо. Ну мало ли не ест. Всякое бывает. Другие бы и никаких анализов не делали, не то что уж приёмы у лучших врачей. Всех на уши поставила. И ради чего? Нет же повода даже. Да и щенок совсем молодой. Сам по себе не помрёт. По анализам всё в порядке, значит и жить будет. И в конце концов, даже если и помрёт, то не в эти 3 дня. А дальше Густав разберётся сам. Такой мужчина в чём угодно сам разберётся. Что мне тут решать? Слишком много мне ответственности, уже устала от этого... Хотя, может, и стоило спросить у него, почему собака перестала есть? Хоть бы в курсе был... Вздор собачий! Это уж не моё дело. Я всё, что он просил, сделала? Сделала. Собака жива здорова – конечно. Видно любому, что здорова. А панику сеять – это всё истеричность, от которой избавляться надо. Да и Густаву бы вряд ли понравилось, что я бью тревогу попусту. Всё тут в порядке. Через 3 дня меня всё это вообще не будет заботить. Заберёт себе щеночка, а там пусть помирает, хоть через минуту, уже не моя ответственность... Моя ответственность теперь быть счастливой. И Густав теперь должен будет об этом заботиться. Надо быть красивой и держать его на поводке покороче. Всё это сработает, как и всегда работало».

Кэтрин отвернула от собаки глаза и налила себе второй бокал.

Густав

За окном снова задул ветер, деревья закачались, затанцевали и стали листвой обнимать друг друга как старые друзья.

Сейчас необходимо было съездить в ближайший магазин, закупить палёного алкоголя для реализации ещё одной интересной идеи – у Владимира Аркадьевича была дочь с двумя несопоставимыми, но не редкими особенностями физиологии: пристрастие к алкоголю и больные почки при этом. Он, безусловно, ей приглянулся ещё два месяца назад, и она не раз дала понять, что хочет много большего, чем просто любоваться им издалека.

К тому моменту, как Густав сел в машину, за окном уже начался дождь, не сильный, но, очевидно, подающий заявку на продолжительность. Ирландец очень любил такую погоду – она отлично подходила под раздумья и ещё лучше подходила под настроение огорчённых и расстроенных им людей, уверяющих себя, что «небо теперь плачет вместе с ними». Удивительно детское представление о природе, часто присутствующее в исторических описаниях: битвы, коронации королей, инаугурации президентов разными людьми описываются с прямо противоположной погодой, словно речь идёт о разных событиях, времени и месте. Неутомимое желание подтвердить своё мнение, предрасположить к себе, создать необходимый фон, и это же так просто, когда есть такая могучая, но немая сила, так ярко выражающая своё мнение, бесконечный источник подтверждения любых идей и мыслей. И, видимо, многие считали за грех это не использовать в своих целях.

Когда-то на Руси «слепые дожди», то есть дожди, идущие при свете Солнца, называли «Царевна плачет» из-за того, что сверкающие капли напоминали слёзы. Такому обозначению было хоть какое-то основание. Но делать из природы политическую пропаганду казалось и вовсе лицемерным.

«Вот такие вещи ярко отражают низость человека. – подумал Густав, заводя машину. – Они достойны просто умирать и не более».

Ехать надо было минут 7-8, за несколькими поворотами стояло отдельное здание, ещё со времён СССР, где сервис, цены и общая обстановка как нельзя подходяще предполагали продавать спиртное, в том числе и нелегального происхождения, и в том числе в запрещённое время.

Перед зданием было какое-то подобие парковки. И сейчас на ней стояли серая «Лада» девятой модели, все двери которой были распахнуты настежь. Внутри сидело два человека, выставив ноги на улицу. По глазам виднелось, что выпито не мало, и что, наверно, столько же не хватает долить.

«Слышь, братан! – окрикнул один из них Густава. – Крутая тачила. Подкинь нам, скажем на... Пиво». Даже с 10 метров амбре от накуренного и залитого за воротник чувствовалось весьма мерзкое и едкое, словно наложилось слоями на кожу за долгое время.

Быдловатые полухулиганы. С трудом способные отличить Эйнштейна от Эйзенштейна. Со школы не читавшие ни одной книги и не то чтобы Ремарка или Стейнбека, а вообще любой книги. Ни этики, ни эстетики. Зато ярко выраженное желание вливать в себя спиртное и требовать этого вливания от окружающих, словно эти окружающие обязаны им. Ведь кто-то же должен занимать эту нишу, а раз не хочешь сам, то плати тому, кто занимает это место за тебя. И плати так, чтоб ему хватало занимать её дальше. А то ведь и тебя затянет то ли заодно, то ли вместо себя...

Неинтересная и бесполезная добыча.

«Конечно, подкину», – сказал ирландец и изменил направление в их сторону. Лица их явно обрадовались – видимо, до этого проходившие мимо них либо игнорировали, либо отнекивались по разным причинам.

Позвал тот, что был на заднем сиденье. Он был более трезв, чем тот, что развалился на пассажирском кресле рядом с водительским. Теперь воняло ещё сильнее.

«А чего пиво-то? – спросил Густав, находясь от них уже в полуметре. – Водяры? Конины, лучше?»

«Сука, да... Конины надо бы», – задумался сидевший спереди, хотя ему-то как раз было достаточно.

Густав достал кошелёк и, вытащив оттуда 5-тысячную купюру, передал её сидевшему на заднем сиденье. Оранжевый цвет денег ударил обоим в глаза.

«Нихуя даёшь, брателло». – сходя на шёпот произнёс он, разглядывая в своих руках деньги.

«А мне... Мне тоже давай» – начал было второй, но ирландец уже протягивал ему вторую такую же купюру.

– Ну чтоб тебе не было обидно...

– От души, братан...

Первый чуть очухался: «Слышь, тебя как звать-то, братан, давай с нами. Конины раздавим...»

– Густав. Густав Глиссон.

– А-а-а. Заморский пахан значит...

– Вроде того... Ментов не видели поблизости?

– Спят, суки. Васяна гуляет, бля. Куда им.

– Так ты Васяна?

– Он самый нах. А за рулём вон Серый.

Густав достал из внутреннего кармана пиджака складной нож и воткнул его под челюсть первому, прикрыл дверцу и чиркнул по шее второго. Кровь забрызгала все сиденья, двери, обивку. Васяна даже пытался закрыть рану ладонью, денежной купюрой, но было бесполезно: их мозг к этому моменту уже не работал. Их мозг не понимал, что смерть перестала подкрадываться к ним, а просто пришла сразу.

Густав вложил нож в ладонь Серому, сжал его руку и направился к входу в магазин.

Большая честь, конечно, для таких алкашей умереть от его руки, но один раз они ему помешали.

Пару месяцев назад своими вопросами и намёками они спугнули одну из его возможных жертв на этой же самой парковке. Та низкорослая хрупкая девушка явно подметила Густава, но тут же села в свою машину, заметив этих двоих. Гнаться за ней смысла не было, не такая уже красивая и интересная она была с виду. Но осадок остался, и уж точно не стоило ждать, когда такое случится снова.

В магазине, кроме продавца, разумеется, никого не было. Собственно, и продавец не совсем присутствовал – невысокая полная женщина лет 55, не обращая ни на что внимания смотрела телевизор, какую-то программу о географии.

Собственно, в прошлый раз, когда он заходил в это заведение и стал интересоваться, что ему могли бы посоветовать из дешёвого, но качественного, получил итоговый ответ: «Покупай и не пизди!», что вышло, словно рекламный слоган. Теперь он подходил, как нельзя лучше. Ирландец посмотрел на полки с алкоголем: «Мне бы коньяка какого... Вон Stone land №5. 0,7 литра».

Он давно знал эту марку с надписью «Мы изменим ваше отношение к армянскому коньяку», помещённой в рамочку. Такая фраза оправдывала себя полностью: и сам продукт в оригинале был невысокого качества, и подделывали его часто, так что при первом же глотке появлялись тошнота и желание выплюнуть всё обратно, а под языком оставалось весьма неприятное послевкусие с совершенно неподходящим для этого вида алкоголя оттенком дешёвого

шоколада. В сравнении с Араратом, подающим высокое качество сделанного в Армении, данный коньяк портил всё отношение и, действительно, менял его, вот только в худшую сторону.

Когда Густав вышел из здания, на парковке никого нового так и не появилось, дождь продолжал идти, а со стороны серых «Жигулей» в дополнение к тяжёлому перегару начал появляться рыбных запах.

Мари

В тот день Мари ехала от бабушки домой. Она всегда ездила к бабушке после расставаний. Когда бросали её. Когда бросала она. В этот раз это сделала она...

Это очень странное чувство, когда кого-то бросаешь без причины. Вроде и всё в нём нормально. Умный, внимательный и даже красивый. Заботливый. Очень заботливый. Причём обо всём и заранее. И всё равно. Нет чувств. Просто нет чувств. И даже возникает вопрос «А что вообще надо?». Откуда берутся чувства? Не к качествам же. А как-то сами. Вот сейчас их не было. И она затынула с ответом. Зачем-то столько общалась с ним. Зачем-то переспала. Всё думала: «Может, что-то изменится.» А ничего не изменилось. Кроме, может, его чувств к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.